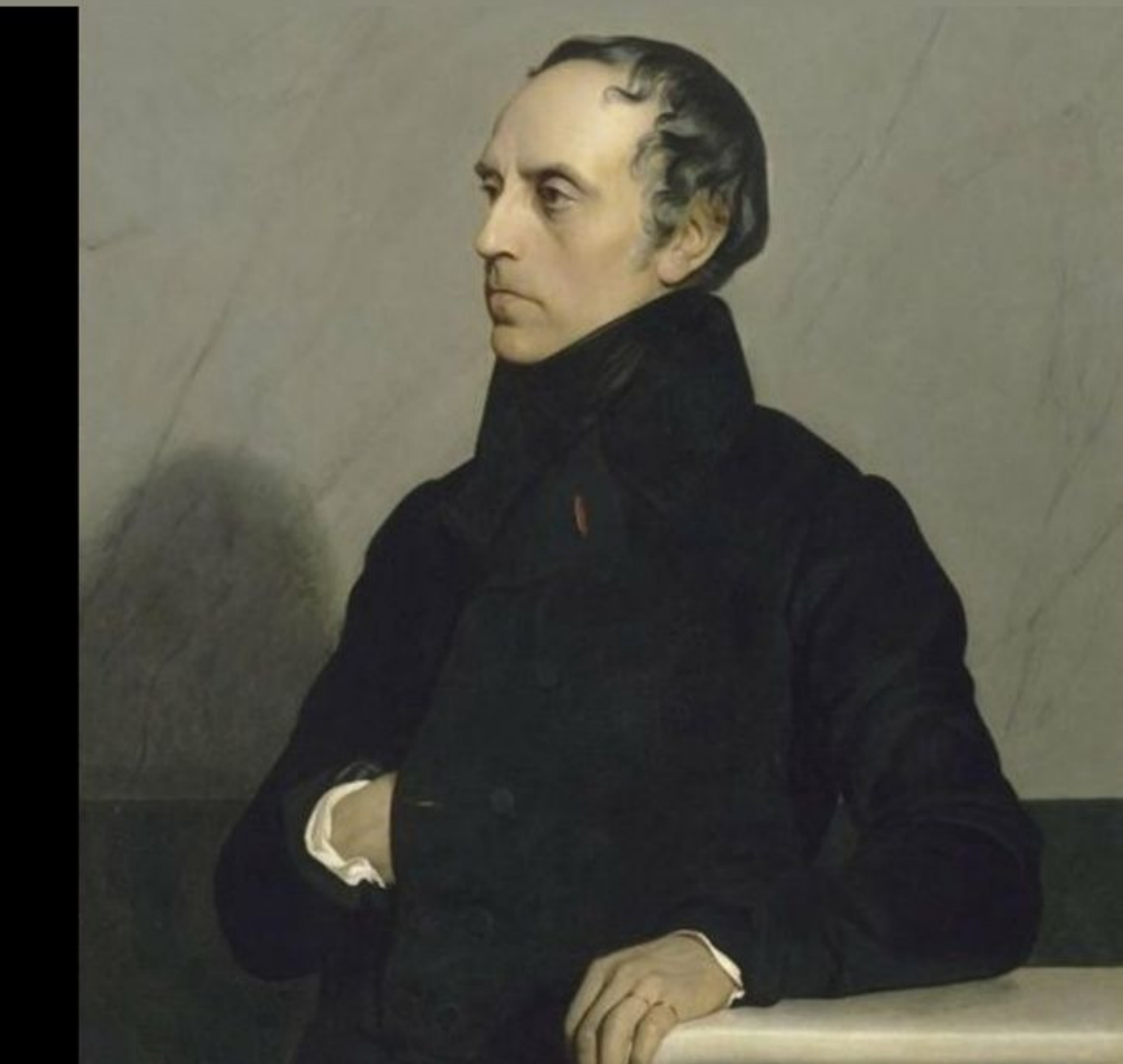
18+

Татьяна Адаменко
Станислав Бескаравайный

Патрик Леруа

Годы 1821—1830

Татьяна Адаменко

Патрик Леруа. Годы 1821—1830

«Издательские решения»

Адаменко Т. В.

Патрик Леруа. Годы 1821—1830 / Т. В. Адаменко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833734-5

Финансовый инспектор Патрик Леруа живет в интересные времена — эпоху Реставрации во Франции, но занят скучной работой. Точнее, она была бы скучной, если бы не сила, которой он одержим. Именно эта сила приводит его то в замок серийного убийцы, то в карантин, то в подпольную типографию.

ISBN 978-5-44-833734-5

© Адаменко Т. В.
© Издательские решения

Содержание

1. Обременительное наследство 6
Пролог 6
Глава1. Домыслы 9
Глава 2. Уместность ностальгии 24
Глава 3. Ради кого? 33
Глава 4. Размен вслепую 44
Эпилог 56
2. Точка равновесия 58
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Патрик Леруа
Годы 1821—1830
Татьяна Васильевна Адаменко
Станислав Сергеевич Бескаравайный

© Татьяна Васильевна Адаменко, 2016
© Станислав Сергеевич Бескаравайный, 2016

ISBN 978-5-4483-3734-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Обременительное наследство

На самом деле историй всегда две – одну рассказывают, вторую слушают

Пролог

Что-то мешало мсье Леруа сосредоточиться на бумагах, которые он изучал. Вряд ли виной тому было тонкое дребезжание стекол почтовой кареты, бугристые подушки на сиденье или перекладина скамейки, которая впивалась в спину на каждом ухабе, выжимая из пассажиров болезненные вздохи.

Леруа давно свыкся с подобными неудобствами и даже говорил, что в дороге ему работается лучше, чем в кабинете. Попутчики тоже не докучали инспектору: был в этом худощавом человеке с невыразительным лицом и острым взглядом серых глаз какой-то холодок, который остужал любую попытку начать беседу.

Возможно, инспектор не мог справиться со скучнейшим многословием самих документов, на сорока страницах утверждавших несложный факт, что дворянин де Бенаж ухитрился скончаться, оставив солидное состояние, но не составив к нему завещания.

Конечно, непредусмотрительность покойника вызывала недоумение, но скромная роль податного инспектора Леруа сводилась к тому, чтобы вычислить сумму, которую должно было получить государство, чтобы остальное на законных основаниях перешло в руки вдовы. Совершеннейшая рутина… если бы не предыстория, которую все бульварные газетенки Парижа около полугода назад разорвали на клочья сенсационных выпусков.

Леруа поморщился, вспоминая заголовки «Наказание за супружеское любопытство», «Новое подтверждение тому, что покойную супругу любить легче, чем ныне живущую»; «Четыре жертвы в тайной комнате безумца»; «Синюю Бороду застрелил его шурин, спасая сестру» или даже «Тринадцать мумий в чудовищном храме».

Возможно, именно эта крикливая глупость и отвлекала сейчас мсье Леруа от работы, непрошено вторгаясь в его мысли. Читать про расходы на содержание замка, доходы с арендуемых ферм, лесопилен и текстильной фабрики, не вспоминая о том, каким именно образом это имущество оказалось в руках вдовы, мадам Сильвии де Бенаж, было довольно затруднительно.

В самом деле, даже самое ровное и размеренное течение мыслей может взвихрить рассказ про ужас, который пришлось пережить юной супруге. Ее муж на коленях перед высохшими телами своих предшественниц… сорванный со стены меч… вопли, угрозы разрубить ее на тысячу любопытных кусков, паническое бегство почти вслепую, задыхаясь… и спасительный выстрел.

Но мсье Леруа обычно держал свое воображение в узде, бульварных газет не читал и интересовался только своей работой.

Его коллеги усомнились бы даже в самом факте наличия у него воображения, и тем более удивились бы они, узнав, что Патрик Леруа когда-то был лично знаком с новоявленным Синей Бородой.

Арно де Бенаж не был его старинным другом или родственником, но он был частью молодости Патрика Леруа. Они были соседями по комнате, вместе изучали право и вместе состояли в веселом братстве Воздуха, братстве самых неимущих студентов Парижского университета.

Мсье Патрик Леруа по своему сумрачному и меланхоличному характеру заслужил прозвище Фример. Тогда ноябрь еще привычно было называть по республиканскому календарю… Бенаж стал Уксусом, но вовсе не за кислый нрав, в пару своему соседу Леруа. На самом деле

двух менее схожих людей было еще поискать. Там, где Леруа спускался по лестнице, Бенаж съезжал по перилам, где Фример зубрил, Уксус ловко оказывал преподавателям неоценимые услуги, сводя в одной компании легкомысленных красоток и почтенных профессоров. Леруа наблюдал за весельем, развлекаясь на свой тихий лад, а Бенаж был в самом его центре, и казалось, одна его улыбка способна превратить уксус в вино.

Леруа невольно улыбнулся, вспомнив, как Уксус ухитрился накормить всю их прожорливую компанию, не потратив ни единого су. Это было не самым ярким подвигом Бенажа, но запомнилось ему почему-то больше всего. Они впятером шли по улице Сент-Онорэ, раздосадованные неудачей: в ломбарде отказались принять бюст Цицерона как медный, хотя студент Люка потратил на два су краски и старательно утяжелил полый внутри гипс. Рокочущая пустота в желудке становилась все громче.

И тут студент Уксус заметил одиноко сидящего за столиком преподавателя латыни, мсье Ламбера. Это был желчный старик, терзавшего невесть какое поколение студентов латинскими глаголами и грамматическими формами. Когда университет, после всех поворотов Истории, возобновил работу, мсье Ламбер в тот же день словно из воздуха материализовался в аудитории.

– Сейчас он заплатит за наш обед, – сказал Уксус, и глаза его азартно загорелись. – Держитесь сзади и поддакивайте.

И он мелким бесом подскочил к мсье Ламберу, рассыпаясь в восхвалениях, преподносимых тоном неповторимой искренности. Не переводя дыхания, он говорил о радости встречи – и раздражение постепенно сходило с лица преподавателя; а когда студент Уксус отозвался о книге, вышедшей из-под пера мсье Ламбера (все знали, что за публикацию он заплатил из своего кармана), в самых хвалебных выражениях, Ламбер впервые за многие годы попытался улыбнуться. А потом студент намекнул, что эта встреча вовсе не была случайной, что они разыскивали «преподавателя из пантеона преподавателей» настойчиво и упорно.

– Простите, что мы осмелились Вас побеспокоить! – вел дальше студент Уксус. – Но мы не могли не поздравить Вас с днем рождения, – проникновенно сказал он.

– Виват! – гаркнули студенты.

И он преподнес ему Цицерона, проводя весьма лестные параллели между ним и мсье Ламбером. В потоке поздравлений от остальных студиозов утонули слова мсье Ламбера о том, что до дня рождения у него, собственно, осталось больше месяца, и не стоило бы… Вскоре вся честная компания сидела вместе с Ламбером и за его счет угощалась молодым вином, торопливо поглощала рагу с фасолью и набивала карманы дармовым хлебом.

Карета подскочила на очередном ухабе, и Леруа вернулся и прошлого в настоящее. Улыбка исчезла с его лица, вновь сменившись угрюмой задумчивостью. Леруа был далек от того, чтобы удивляться, каким образом отчаянный жизнелюб, оптимист, любимец женщин превратился в убийцу и сатаниста. Он верил (хотя никому не выдавал своей веры), что дьявола призвать к себе намного проще, чем об этом думает просвещенная публика. Он знал, что возможны любые перемены, в любом человеке есть зерна всех пороков, и на самом деле мы не знаем ни ближнего своего, ни себя.

Этой мрачной философии его обучила война: еще одна тема, о которой он предпочитал не распространяться, и не показывать орден Почетного легиона. Он пошел в армию после того, как за спиной сгорел образ уютной семейной жизни, хладнокровно подсчитав свои шансы на смерть и найдя их вполне приемлемыми. Надо было узнать себе настоящую цену и в процессе сколотить себе состояние. Служба в Германии должна была обогатить его – как и многих несколькими годами ранее обогатили походы в Италию. Но на западе, в Испании, дела пошли скверно, и полк перевели. И если бы оставили у границы, хотя бы северней реки Эбро… Нет, он попал в жуткую кастильскую молотилку без тыла и флангов. Испанцы резали их при первой возможности, и солдаты не оставались в долгу. Свой орден Леруа получил за то, что остался

жив. Он видел, как многие сходили с ума, превращались в говорящих животных, видел, как от человека оставалось только одно – умение ударить первым. Но Леруа отлично знал, что такая кровожадность вырастает в людях от нужды или страха.

Арно де Бенажу было совершенно нечего бояться. Разбогатевший счастливчик, пусть и старше Леруа на несколько лет, но ещё не старый, полный сил… Что заставило его так перемениться?

Поэтому Леруа и приложил все силы для того, чтобы именно ему доверили поездку в замок Моро. Отрешенно глядя в окно, он задавался вопросом, осталась ли в этой истории хотя бы малейшая тайна, которую еще не выудили газетчики. Что-нибудь, способное вызвать к жизни его жажду Справедливости, которая взвесит и мечом отмерит всем по делам их…

Леруа закрыл глаза, но не для того, чтобы попытаться уснуть: так было легче представить себе шахматную доску и попытаться мысленно доиграть одну интересную партию.

Глава1. Домыслы

Ноябрьский короткий день давно закончился, когда карета наконец добралась до Поммерэ. Она остановилась возле единственной в городке гостиницы – двухэтажного кирпичного здания с двумя нелепыми башенками.

Леруа неловко выбрался наружу и вытащил свой багаж: небольшой, изрядно потрепанный дорожный сундучок и разбухший портфель для бумаг.

– Господин Леруа? Это вы?

Навстречу ему кинулся высокий молодой красавчик в яркой ливрее. Он радостно улыбался, словно встреча с господином Леруа предвещала выигрыш в лотерее.

Господин Леруа ответил коротким кивком.

– Мне поручили вас встретить. Я должен отвези Вас в замок Моро, – продолжая сиять нагловатой улыбкой, сообщил лакей. Он рассматривал мсье Леруа, его тускло-коричневый сюртук, потерявший форму портфель откровенно оценивающе, и едва заметным перемещением брови дал понять, что оценка эта не слишком высока.

Под ответным взглядом мсье Леруа кучер растерялся, улыбка померкла. Но Леруа на этот раз не ставил свой целью смутить слишком бойкого юношу, он просто рылся в своей памяти, недоумевая, почему это двуцветная, несколько аляповатая желто-черная ливрея кажется ему такой знакомой. Причем знакомой опосредованно, он был уверен, что никогда не видел ее на человеке, так сказать, выпукло и объемно…

На слове «объемно» его память вдруг сжалилась и показала ему небрежный набросок – подражание да Винчи, только раскинувший ноги и руки человек был одет в желто-черную ливрею с пышным воротником…

– Мечтаешь о прислуге? – спросил он тогда у студента Уксуса. В комнате, где книги расселись, как голуби, по всем поверхностям, а яблочные огрызки густо усеивали пол возле кровати, это прозвучало насмешкой, но Бенаж не обиделся. Закинув руки за голову и покачивая в воздухе носком сапога, он увлеченно принялся рассуждать о своей будущей роскошной жизни, в которой найдется место и ливрейным лакеям, карете, запряженной четверкой, и замку, где он расставит скульптуры работы Гудона, и будущему баронству.

Студент Фример выслушал немало таких монологов, в которых откровенность подогревалась алкоголем; но он чувствовал, что излияния Уксуса, несмотря на внешнее сходство, в корне отличались от прочих. Он не мечтал, он намечал будущие цели – и Леруа верил, что ему удастся хотя бы частично осуществить свои замыслы благодаря недюжинному деловому таланту и потрясающей работоспособности. Бенаж не скрывал, что юриспруденция – вовсе не его призвание, и, разобравшись, какие законы надо знать, чтобы успешно вести торговлю, он собирался уйти с курса. Леруа, от которого Бенаж своих планов не скрывал, не осуждал Бенажа: родители студента Уксуса прибыли в Париж в сабо, и путь их сына в университет был многотрудным и извилистым.

Но сам Леруа еще сохранял свои идеалы, и превращать сверкающую Фемиду в подсобную работницу торговли ему казалось неверным. Сам он полностью отдался изучению юриспруденции как лучшему, хоть и несовершенному способу урегулировать запутанные, нелогичные отношения между людьми…

И совсем скоро он увидит осуществившуюся мечту Бенажа, так сказать, во плоти, – подумал Леруа. Может, секрет заключен именно в этом, в осуществлении мечты? Когда не о чем больше мечтать, каждый заполняет пустоту по-своему, переходя от простых способов к более извращенным. Леруа приходилось наблюдать и такое.

Нельзя сказать, что эти воспоминания скрасили Леруа дорогу, скорее, вызвали головную боль. Машинально он отметил, что карету ему прислали из самых лучших, с меховой полстью

из волчьей шкуры и сиденьями, обитыми бархатом. Ткань еще не выцвела, и малиновый цвет раздражал воспаленные глаза. Он замигал, пытаясь прогнать сухую резь в глазах, и пропустил мгновение, когда за поворотом дороги перед ним наконец-то показался замок Моро.

Зубчатый центральный донжон выдвигался вперед, словно флагманский корабль, в кильватере которого следовали две круглые башни. Время и хозяева замка не обтесали его готические крыши, не смягчили углы, и только просторные прямоугольники ренессансных окон вместо крохотных бойниц напомнили о том, что на дворе уже давно не четырнадцатый век.

На самом деле замок был так уже велик, но на фоне едва холмистой равнины и жмущейся, как пес к ноге хозяина, деревушке, он подавлял, будто грозовая туча на горизонте; это впечатление только нарастало по мере приближения к замку, так же, как и сам он увеличивался в размерах, надвигаясь на Леруа.

Ворота были хорошо смазанными и довольно новыми, ажурной ковки, с не успевшими потускнеть чугунными розами, перевивающими редкие, изящно скрещенные прутья, но это изящество довольно странно выглядело на фоне угрюмого серого камня наружных стен.

Карета остановилась у входа в одну из боковых галерей. Внутри, в холле, Леруа уже ждал управляющий. Он рассыпался в улыбках и любезностях, между делом сообщив, что через полчаса в гостиной будет подан ужин, и, если господин Леруа не слишком устал с дороги…

Леруа охотно согласился и последовал за лакеем в свою комнату, испытывая как голод, так и любопытство.

А увидев своё временное пристанище, он понял, что его собираются принимать с «подчеркнутым гостеприимством», как он это называл. Работа редко требовала от него покинуть Париж, но, если это все же случалось, то инспектора принимали либо как дорогого гостя, надеясь умилостивить и замаслить глаз, либо с подчеркнутым пренебрежением, как чиновную крысу. Леруа давно не трогало ни то, ни другое, но комната ему понравилась.

С уютной спальней был совмещен небольшой кабинет, обставленный, в отличие от спальни, строго и просто. Широчайший письменный стол, шкаф, удобное на вид кресло, несколько гравюр, изображающих морские сражения – вот практически вся обстановка. Ничто здесь не отвлекало от работы, и помимо воли Леруа почувствовал расположение к хозяевам замка.

Он вынул из сундука свой походный прибор для письма и аккуратно поставил на стол. Подумал, не поставить ли рядом портрет, но нет, трудно угадать, насколько воровата местная прислуга… Едва он закончил с разбором вещей и переоделся, как в дверь постучали – это вернулся лакей с приглашением на ужин.

После тускло освещенных коридоров столовая едва не ослепила его непривычно ярким светом газовых рожков в кованой люстре. Леруа представил, в какую сумму обходится семейству доставка газовых баллонов, и понял, что он заочно недооценил состояние де Бенажа.

В резком и холодном газовом свете роскошный стол сиял белизной изысканной скатерти, фарфором посуды и мерцал искрами хрустальных бокалов.

Лакеи за спинками стульев замерли навытяжку, а за столом сидела дама и двое мужчин.

Старший из них сдержанно поприветствовал Леруа и представил ему остальных.

– Добрый вечер, мсье Леруа, мы рады, что вы добрались благополучно. Я Шарль д'Эвре, это мой брат Жан д'Эвре и моя сестра Сильвия.

Леруа отметил про себя, что фамилию сестры Шарль не назвал; он знал, что мадам де Бенаж подала прошение о возврате своей девичьей фамилии. Леруа рассматривал вдову так пристально, как это дозволялось правилами приличия, и его вовсе не удивило, что газеты опять все переврали. Мадам Бенаж ничуть не походила на юную сломленную Офелию.

Пора её девичества давно миновала, но руки оставались белыми и гладкими, румянец выглядел очень естественно, а длинная шея сохраняла изящество линий. Платье из серебристого атласа с зеленой отделкой идеально подходило к чуть раскосым глазам цвета молодой

листвы и подчеркивало фарфоровую кожу. В густых и блестящих черных локонах мягко сиял жемчуг.

Роста мадам Бенаж была небольшого, почти на голову ниже Леруа, и рядом со своими братьями выглядела хрупкой и миниатюрной, но отнюдь не сломленной. Это подтверждал и ее живой интерес к разговору.

Обсудив успехи короля на охоте и его пристрастие к утренним мессам, они перешли к пьесам Эжена Скриба и другим театральным новинкам, о которых Леруа мало что мог сказать; но Шарль д'Эвре расспрашивал его очень настойчиво, и в его голосе явственно слышалась ностальгия и горячая любовь к Парижу.

«Любпытно, – подумал Леруа, – что же держит его здесь, в глуши? Возможность распоряжаться деньгами сестры?».

Затем разговор незаметно перешел к закону о цензуре.

– Как подданные мы не можем его не одобрять, но с крахом типографий лесопилка тоже замедлила свою работу, что ставит нас в парадоксальное положение… – со вздохом призналась Сильвия.

Леруа мимолетно удивился осведомленности мадам де Бенаж и ее интересу к работе лесопилки, пока не поймал полный снисходительной гордости взгляд Шарля д Эрве, брошенный им на сестру.

После беседа вдруг перешла на меры, которые принимает государство, чтобы поддержать общественную нравственность, и Леруа занял при этом естественную для него позицию пессимиста.

– Запрещено входить в игорные дома молодым людям младше двадцати одного года… – вспоминал старший д'Эвре.

– Что увеличивает доход цирюльников, которые ловко клеят бороды шестнадцатилетним.

– Запрещено делать ставки меньше двух су…

– …поэтому четверо бедняков складываются по десять су, надеясь потом так же разделить выигрыш на четверых.

– Не разрешается входить в игорные дома в рабочей одежде…

Леруа уже открыл рот, чтобы ответить, но его кокетливо перебила Сильвия.

– Позвольте, я угадаю, мсье инспектор? Хозяева игорных домов устроили поблизости гардеробы, где можно поменять блузу или куртку на фрак?

– Совершенно верно, мадам, – улыбнулся Леруа.

Младший брат, Жан, с момента представления не сказал ещё ни слова – его внимание целиком поглотил фазан. Оба брата и сестра были чрезвычайно схожи между собой, но округлое лицо Жана выглядело несколько простоватым, в отличие от тонких черт Шарля и Сильвии.

Леруа обратил внимание, что за столом прислуживал тот самый лакей, что привез его в замок – очевидно, людей здесь не хватало.

За десертом Жан наконец заговорил. Он посетовал на бесконечные ноябрьские дожди, которые лишают охоту всякого удовольствия.

– А вы охотитесь, мсье Леруа?

– Только за цифрами, – сухо ответил тот. При желании он мог бы прибавить, что после войны перестал считать убийство развлечением.

В финале ужина старший д'Эвре пообещал прислать завтра к Леруа секретаря.

– Любые вопросы, любые бумаги, – подчеркнул он.

– Жду его завтра с утра, – кивнул Леруа. – Благодарю вас за прекрасный ужин и приятное общество.

* * *

Леруа не ожидал такой церемонной торжественности и холодной роскоши – утром пожилой лакей пригласил его в совершенно другую столовую.

Облаченый в ливрею и напудренный парик, он замер у входа – еще живой образ Ancien Regime. Китайский фарфор на столах и серебряные приборы. Фарфоровые же канделябры, украшенные тончайшими, невероятно хрупкими на вид фарфоровыми цветами и эбеновое дерево в интерьере.

На стенах висели изящные рисунки по шелку в простых черных рамах, а роскошная лепнина расписного потолка будто служила рамой для дробящихся в хрустале огней люстры.

– Доброе утро, мэтр Леруа, – поприветствовала его хозяйка, появляясь из другой двери в сопровождении Шарля и Жана.– Прошу к столу.

– Много ли времени займет оформление бумаг? – Жан д'Эвре задал вопрос раньше, чем Леруа успел совладать с жестковатым мясом вальдшнепа. Мадам Бенаж только вздохнула и подняла глаза к небу. Инспектор и вечером заметил, что братец простоват – еще немного и дураком бы назвали – но только сейчас понял, зачем его здесь держат. Такой всегда задаст правильный вопрос, избавив от лишних церемоний.

– Мадам, – минуту спустя обратился он к хозяйке замка. – Оформление наследства, фактически, завершено. Я здесь для того, чтобы не обременять вас поездкой в Париж и, думаю, не отниму у вас много времени.

– Превосходно, мэтр Леруа, – Сильвия взялась за бокал. – Рутинные вопросы вы сможете обсудить с нашим управляющим Жанно, если что-то сложное, то милости прошу ко мне, теперь финансовые дела веду я.

Леруа кивнул, стараясь не выдать своего удивления тем, что это предложение сделал ему не Шарль, а Сильвия.

– Мадам, позвольте выразить восхищение… За полгода вы не уронили ни одного предприятия из тех, что оставил вам супруг.

– Арно мне ничего не оставлял, мэтр Леруа. Наверняка он все бы забрал с собой в могилу, но как вы удачно выразились, «уронил» по дороге. Вы наверняка слышали…

– В основном читал…

– Он погнался за мной, размахивая секирой, как перышком, и убил бы, но, по счастью, его застрелил Шарль.

– Прямо здесь и пристрелили, – Жан показал пальцем, где именно.

– А что слышно в Париже о компенсации эмигрантам? – Шарль решил сгладить впечатление от неотесанности брата.

– Все еще в дыму неопределенности, мсье д'Эвре. С одной стороны, король желает сгладить воспоминания о прошедших неудачах дворянства…

Леруа заметил легкое напряжение в глазах Сильвии, но «неудачи», это было самое мягкое из возможных слов.

– С другой стороны есть финансы государства. Они вопиют…

– Когда это казна не кряхтела? – удивился Шарль.

– Вопиют, мсье д'Эвре, вместе с казной ещё многие люди.

– Тогда мы будем ждать решения Его Величества, – вмешалась мадам Бенаж.

– Разумеется.

– Да, и еще одно, нас многие просили показать комнату и статуи, в которых мой супруг держал тела…

Леруа молчал.

– Чтобы не было таких… бестактных вопросов, мы избавились от всего, что имело отношение к делу. Комната замурована, статуи уничтожены.

Собственно, на этом разговор был и закончен. Завтрак съели и Леруа откланялся.

Его симпатия к мадам Бенаж, как ни странно, только укрепилась – предприимчивая и жизнерадостная женщина. Каким же дураком был Арно.

Пора было идти к документам.

* * *

Незадолго до полуночи Леруа пробирался по коридорам замка, упорно разыскивая библиотеку. Изжеванный до последнего волоконца секретарь вряд ли предполагал, что инспектор отправится куда-нибудь, кроме собственной комнаты, но Леруа пока не чувствовал усталости. Он был почти разочарован, работа оказалась куда проще, чем он предполагал: что более ранние документы, с подписью де Бенажа, что более поздние, с подписью его вдовы, содержались в похвальном порядке и не скрывали в себе никаких манипуляций с законом. Или, вернее, – поправил себя Леруа, – для того, чтобы выявить эти манипуляции, понадобилось бы куда больше времени и сил, чем это входило в его обязанности. У него не было такого желания – ему нравилось, как мадам де Бенаж заботилась о процветании своего поместья и своих предприятий, не забывая при этом о работающих на неё людях.

Если судить только по этим документам, то они были идеальной парой, – лениво подумал инспектор… – Безусловное родство душ… Редкое для женщины деловое чутье… Просто удивительно… Или все намного проще? Её брат, бесспорно, очень неглуп…

Так, за размышлениями, он едва не пропустил вход в библиотеку, несмотря на то, что высокую арку входа с двух сторон подсвечивали газовые фонари. Леруа вошел и оказался на галерее, вторым этажом опоясывающей просторный зал. В центре, куда сходились все узкие тропки между стеллажами, был виден мягкий, приглушенный свет – и Леруа отправился к нему, стараясь шагами и покашливанием предупредить о своем появлении.

– Мадам Сильвия? – на полпути спросили его неуверенным старческим голосом.

– Нет, нет, – поспешил отказаться Леруа. Он обогнул стеллаж и оказался перед широчайшим столом, заваленным книгами, каталожными картами, записными книжками и тетрадями. Масляной лампе-кенкету и угрожающе зависшему на краю стола массивному кофейнику едва хватало места среди бумаг. Сидевший за столом старичок поднялся навстречу Леруа, поспешно меняя одни очки на другие.

– Добрый вечер, ээ… сюда никто обычно не заходит, кроме мадам Сильвии, а вы, наверное, ее гость?

– Не вполне, – Леруа почему-то смутился под мягким рассеянным взглядом старика. – Меня зовут Патрик Леруа, я податной инспектор. Оформление наследства, ввиду того, что де Бенаж, как это ни удивительно, не оставил завещания…

– А, вся эта волокита? – старик склонил голову набок, рассматривая его с доброжелательным любопытством, словно китайский иероглиф или арабский манускрипт. – Не слышал о вашем приезде, впрочем, ничего удивительного, я здесь сам по себе… Кристоф Герье, рад знакомству.

Пожалуй, старик не кривил душой – в отличие от всех остальных обитателей замка, его ничуть не интересовала должность Леруа, он был рад неожиданному посетителю его драгоценной библиотеки.

– Вы не торопитесь? – робко спросил мсье Герье.

– Нисколько. Разрешите составить вам компанию?

– Разумеется! Присаживайтесь, пожалуйста, здесь очень удобные кресла… – хлопотал старик. – Откуда-то из книжных стопок он выкатил угрожающе поскрипывающий сервировочный столик и переставил на него серебряный кофейник.

– Вот! Я угощу вас отличным кофе!

С тревогой пощупав бок кофейника, он облегченно вздохнул:

– Ещё горячий… Вот моя чашка… – на столике появилась большая, не слишком изящная фарфоровая чашка с надбитым краем. – А вам… вам я сейчас найду. Где-то она была, точно, вторая чашка… Сейчас, сейчас… Где же она?

И мсье Герье пустился в поиски по всему столу, но чем дольше он ее разыскивал, тем больше становилось ясно, что вторая чашка существует только в воображении отшельника.

– Благодарю вас, мсье Герье, но кофе я не люблю, – соврал Леруа. Мсье Герье остановился.

– Как? Неужели вы предпочитаете чай, эту грязную водицу англичан?

Леруа виновато развел руками, признаваясь в извращенности своих вкусов.

– А вы не читали случайно памфлет депутата Шайе, где он утверждает, что потребление чая уничтожит наш национальный характер и превратит нас в холодных пуритан? – улыбаясь, спросил Герье.

– Как же, читал, – улыбнулся в ответ Леруа. – Депутату Шайе, который торгует кофейными зернами, простительно иметь такие взгляды.

Герье довольно рассмеялся.

– Вы надолго приехали? – спросил он, меняя тему беседы.

– Неделя, может, больше, но вряд ли. Задание у меня простое, а мадам Бенаж содержит все документы в идеальном порядке. Для женщины просто удивительно! – озвучил Леруа свои недавние рассуждения.

– Мадам Сильвию обычной женщиной назвать трудно, – уверенно заявил мсье Герье. – Представьте себе, она научилась читать в пять лет, причем совершено самостоятельно!

– Вы так давно здесь работаете? – Леруа был искренне удивлен. Если он верно запомнил (а память обычно не подводила его даже в самых несущественных мелочах), то Кристоф Герье был принят на должность библиотекаря вместе с остальными слугами, всего четыре месяца назад.

– Это смотря как считать, – попытался скаламбурить Герье. – Или совсем недавно, или очень давно.

Старик замолчал, растягивая удовольствие от беседы, интригуя гостя. Леруа, естественно, попросил его объяснить.

– Тридцать лет назад я тоже работал здесь. Тогда замок принадлежал деду мадам Сильвии, графу д'Эвре.

– Этот замок когда-то принадлежал семье д'Эвре? – непритворно удивился Леруа. Он знал, что нынешняя хозяйка замка родом из обнищавшей местной знати, но о том, что до Революции замок принадлежал именно ее семье, он даже не догадывался. Впрочем, незнание его было простительным: ему не было нужды выяснять историю предыдущих владельцев замка. Для его работы главным было то, что Арно де Бенаж владел им на законных, или, вернее, узаконенных основаниях. Все же мысленно Леруа упрекнул себя за недостаток дотошности.

– Да, с момента постройки. Четырнадцатый век! Квадратная башня как раз с тех времен… Был пожалован барону Филиппу д'Эвре по прозвищу Железнобокий. Была довольно мрачная история, еще при одиннадцатом Людовике – к королевскому домену как раз присоединяли Пикардию, и надо было казнить тех, кто помнил о вольностях Амьена, а заодно и нескольких наследников… Молодой Филипп не довел дело до казни, и обошелся кинжалом. После чего ко двору не попал, но Всемирный Паук дал ему этот замок.

Паук? Какой Паук? Ах, да, это прозвище… Подробности из школьной истории с трудом всплывали в памяти юриста, Леруа не мог похвастать такой же любовью к прошлому во всех его деталях.

– Замок всегда переходил по прямой линии, – горделиво продолжал Герье. – Мадам Сильвия еще ребенком приезжала сюда вместе с братьями – барон хотел видеть внуков…

– А их отец? – вскользь поинтересовался Леруа.

– Отец… я редко его видел. Он выбрал Париж, – недовольно признал Герье. – Он не любил ответственности. Предпочитал быть гостем, а не хозяином. В Париже ему жилось легко и весело, никто на него не давил, а требовали только одного – быть очаровательным. Это у него хорошо получалось… – снова улыбнулся старик. – Его старший сын очень на него похож внешне, но характер у него все же не тот.

– А мадам Сильвия?

– О, оно обожала этот дом, побывала везде, от крыши до винных погребов. И в библиотеку ко мне приходила не за сказками… как вы думаете, что она потребовала в первый же раз? Семейную хронику д'Эвре. Сидела, целиком поместившись в кресле, и разбирала старофранцузский… Помню, как она любила своего деда, – поток воспоминаний окончательно увлек старичка, Леруа оставалось только сидеть и слушать.

– Могла часами сидеть у барона в кабинете, и он с ней даже советовался – в шутку, конечно, но для семилетнего ребенка она была очень рассудительной… А я научил ее и ее брата играть в шахматы.

– Жана? – уточил Леруа.

– Нет, конечно же! – хмыкнул мсье Герье. – Старшего, Шарля. У него блестящий ум, математический… я слышал, потом, в Париже, он шахматам предпочел покер и почти всегда выигрывал. Но здесь, – старик обвел рукой библиотеку, – они играли в шахматы – со мной и друг с другом.

– И как же играла мадам Сильвия? – полюбопытствовал Леруа.

– Меня она побеждала в семи партиях из десяти, а с Шарлем почти на равных… Он все-таки играл чуть лучше. Но ему здесь не нравилось, он хотел домой, в Париж… поэтому любимицей барона была Сильвия… Но тут произошла эта… трагедия… – старик внезапно замолчал и принялся вытряхивать из кофейника последние капли себе в чашку.

Леруа сообразил, что под трагедией старик подразумевал Революцию. Теперь мсье Герье опасался реакции своего собеседника, слишком хорошо помнил времена, когда за симпатию к аристократам платили самой полновесной монетой – головой.

– А что же случилось с семьей после Революции? – спросил Леруа максимально нейтрально.

Герье допил свое кофе и тревожно всмотрелся в собеседника, но желание вспомнить прошлое оказалось сильнее его подозрительности.

– Когда начались беспорядки, их отец запретил вывозить детей из провинции. А сам не пережил девяносто третьего года…

В тот день барон узнал о его смерти, с ним случился удар, он потерял дар речи. Потом еще один, когда пришли конфисковывать замок. Слава богу, до этого он успел поместить Сильвию, Шарля и Жана на ферме. Их никто не тронул… Все же здесь, в провинции, всегда было спокойней. Несколько лет замок был полупустым – его изрядно пограбили, но потом выкупил некий Матло, торговец хмелем, который почти сразу погиб. Словом, почти до конца Директории мы существовали тут, приживалками понятно, во флигеле, и я надеялся, что всё утрясется. Потом прибыл этот лотарингец, не хочу его даже вспоминать… Словом, я тогда был вынужден уехать к родственникам, в Арль, но продолжал переписку кое с кем, и потому знал, что замок Моро купил какой-то очередной нувориш. Месяца за три до коронации императора.

– Вам писали о том, что здесь происходило?

– Я знал, что смерть своей первой жены он выдал за несчастный случай. Якобы она пошла конюшню, конь неожиданно взбесился и размозжил ей копытом череп. Они оба тогда только приехали их Парижа, никто их не знал… посудачили и забыли. Во второй раз, а это было уже в десятом году, он женился на здешней девушке, Антуаннете Ризо, подруге мадам Сильвии, кстати. Она слыла девушкой нервной, экзальтированной, любила поговорить о прелестях смерти, читала нелепые стихи этих новомодных поэтов… Говорили, она очень переживала, что никак не может родить мужу наследника. Постепенно отдалилась от всех, устраивала прилюдно бурные сцены… поэтому, когда она умоляла своих родителей забрать ее из замка, говорила, что дом сводит ее с ума, а муж хочет ее смерти, они решили, что у их дочери серьезное нервное расстройство. И через два года после их свадьбы она повесилась. На столбике балдахина их семейной кровати, представляете? Все решили, что это самоубийство, – подытожил

Герье. Он взглянул на Леруа, чтобы определить, какое впечатление на него производит рассказ, и, видимо, остался доволен. Вздохнув, библиотекарь продолжил:

– Потом де Бенаж привез в замок еще одну женщину, – здешнему обществу он её, разумеется, не представлял, но все знали, что у него живет редкостная красавица. Говорили, что она была оперной певицей, пела ведущие роли в каком-то захудалом театрике, пока он её не услышал и не увез. Все ждали, сумеет ли она его окрутить, или нет… служанки рассказывали, что он задаривал ее драгоценностями, мехами, подарил личный экипаж, и она часто выезжала кататься по парку в одиночестве… И когда она исчезла, все решили, что она просто от него укатила, прихватив драгоценности.

После этого он надолго уехал в Париж и привез оттуда своего личного помощника и сделал его управляющим в замке. Постепенно поползли слухи… Никто ничего не знал определенно, но шептались, что это обязанности этого помощника состоят в том, чтобы привозить в замок красивых девушек… сплетничали, что в часовне, где повесилась его жена, происходят оргии в римском духе и поводятся ритуалы черной магии… Он скупил все книги, которые приписывают этому бедолаге, маркизу де Саду, – негодующе сообщил старик. – Они и сейчас здесь стоят, все же это книги, не та дешевка на грязной бумаге, как обычно издают подобную дрянь, нет; это издание ин-кварто в кожаном переплете, с иллюстрациями… Рука не поднимается выбросить, а спрашивать у мадам Сильвии разрешения, напоминать ей о том, что она пережила, я не хочу… Вот они, на той полке! – старик махнул рукой куда-то влево. – Все разрезаны, прочитаны… Я слышал, в часовне и подвале потом нашли старые пыточные приспособления…

Но тогда это были только слухи, – заключил Герье. – И когда он сделал мадам Сильвии предложение, ей даже завидовали… Хорошо, что она прожила с этим чудовищем совсем недолго.

– Правда? – удивился Леруа. Учитывая возраст мадам де Бенаж, он думал, что она пробыла замужем не меньше пяти лет.

– Да, всего полтора года… Вы наверняка знаете, что его застрелил Шарль, когда он погнался за мадам Сильвией с алебардой. В комнате нашли четыре отрубленных головы и отдельно тела, сложенные в непристойных позах. Им так и не удалось придать достойный вид для погребения…

– Значит, тел было всего четыре, – пробормотал себе под нос Леруа. – А я читал про тринадцать. – Но, взглянув на старика, он понял, что обидел его своим бестактным замечанием, и поспешил извиниться.

– Что здесь было потом – чудовищно! Но мсье Гийом, правда старался быть деликатен, но от репортеров, этих шакалов, такого не дождешься. Просто чудо Господне, что пережитое ее не сломило, что она сумела взять себя в руки. Ее спасла любовь к дому. Она занялась его ремонтом и переустройством, спустя пятнадцать лет отыскала меня, предложила должность, – расчувствовался старик.

Леруа негромко кашлянул.

– Скажите… Мне приходилось читать, что Арно де Бенаж был одержим. Одержим духом Жиля де Рэ…

– Полная чушь! – безапелляционно заявил старик. – Бенаж, конечно, был сумасшедшим, и жаль, он не угодил в Бисетр! Он заслуживал того, чтобы при жизни оказаться в аду, рядом с сумасшедшими, убийцами и венерическими больными! Но вся его одержимость духом де Ре высосана репортерами из пальца, на том хлипком основании, что незадолго до своей смерти он выкрасил для маскарада бороду в синий цвет, – неожиданно спокойно закончил Герье. Долгая тирада, по-видимому, утомила его.

– Ваша убежденность основывается только на этом?

– А вы верите в одержимость? – задал встречный вопрос Герье.

– Не знаю, – честно ответил Леруа. – Я верю в Бога, и, следовательно, должен верить в дьявола и его подручных. Однажды я был в церкви, и во время мессы женщина рядом со мной рухнула на пол и забилась в судорогах, а когда к ней подбежал священник, дико завопила «Отойди от меня!»

– И что с того? – скептически спросил Герье.

– Голос был мужским. Мужской баритон из уст юной девушки, довольно приятный, изрыгающий богохульства, которые я даже от своих солдат не слышал.

Герье молча пожал плечами.

– Не знаю, не знаю… Но одержимость именно духом де Рэ, как я уже говорил, полная чушь!

– Почему вы в этом так уверены? – удивился Леруа.

– Дело в том, что я сейчас занимаюсь историческими изысканиями… хочу написать книгу о роде д'Эвре, и мадам Сильвия меня в этом очень поддерживает… Так вот, род д'Эвре и род де Рэ имеют общие корни, и Жиль де Рэ был родным дядей супруги седьмого барона д'Эвре. После такого открытия, разумеется, я заинтересовался личностью Синей бороды и подробностями судебного процесса над ним, и выяснилась масса вопиющих несообразностей.

– Например? – заинтересовался инспектор.

Начнем с мелочей, – глаза Герье за стеклами очков азартно заблестели, было видно, что старик сел на своего любимого конька.

– Во-первых, у Жиля де Рэ было не семь жен, а всего одна, некая Екатерина де Туар, которая пережила его на тридцать с лишним лет. Во вторых, судя по всем прижизненным портретом, его борода была не синей, а светло-русой. В третьих, все признания де Рэ были вырваны у него под пыткой. А в-четвертых, – и это действительно важно! – тела жертв исчезли таинственным образом. Точнее, их никто не видел. Нет никакой информации о похоронах ста сорока детей, нет их могил ни на одном их кладбищ. Где же они? – риторически спросил Герье. – Я думаю, что ответ становится ясен, если приглядеться к судьям. Вы знаете, кто был судьями на том знаменитом процессе?

Леруа отрицательно качнул головой.

– Нантский суд, разбиравший «дело» бывшего соратника Жанны д'Арк, находился на содержании английских захватчиков, которые отправили на костёр Орлеанскую деву. Естественно, они ненавидели де Рэ за его отчаянные попытки спасти Жанну… И, в довершение всего, на обширные владения Жиля позарился герцог Бретани Жан V. Он их и получил после казни барона.

– И ведь это я излагаю вам вкратце, молодой человек, очень вкратце! – Герье сбился на профессорский тон, очевидно, какую-то часть своей жизни ему довелось побыть преподавателем. – А ведь это все задокументировано! И там, где говорится о преступлениях Жиля де Рэ, напротив, никаких убедительных документов нет. Только признания под пыткой и показания сомнительного колдуна Прелати и старухи Меффрэ, которые якобы поставляли Жилю детей. Их обвинили в пособничестве дьяволу, а после того, как они дали показания – как вы думаете, что с ними сделали?

– Сожгли? – предположил Леруа.

– Нет! – довольно улыбнулся Герье. – Их не сожгли, не повесили, не посадили в тюрьму… их просто отпустили! Балаган, разве тут могут быть сомнения? – торжествующе спросил он.

– Достаточно убедительно, – пробормотал Леруа, на глазах которого разрушился один из самых знаменитых мифов Франции.

– Вот! К чему я, собственно, клоню? – библиотекарь становился, словно потеряв на мгновение нить своих рассуждений.

– Я надеюсь, теперь вы понимаете, почему я не верю в одержимость именно духом Синей Бороды? – спросил старик и тут же, не дожидаясь ответа, добавил:

– Потому что Синей Бороды и не существовало никогда! Право, вокруг достаточно человеческого гнусного безумия, чтобы взваливать вину на потусторонний мир, – устало закончил Герье.

– Уверен, ваши изыскания, когда вы их опубликуете, станут сенсацией, – искренне заверил его Леруа.

– А я в этом не так уверен, – погрустнел Герье. – Я уже старик и знаю, что люди охотней верят в зло, чем в добро… Боюсь, моя книга ничего не изменит… И захотят ли они вчитываться?

– Я вас утомил? – встревожился Леруа.

– Нет-нет, что вы! Это я вас утомил, спасибо, что выслушали старика!

– Однако время уже позднее, я вас задержал, – огорченно заметил Леруа. – Позвольте, я возьму книгу на ночь?

– Да, конечно, выбирайте! – поспешил согласиться Герье. – Может, вы придете завтра вечером побеседовать? Я был бы очень рад, сейчас редко встретишь настолько внимательного собеседника…

– Если у меня будет время – с удовольствием, – отозвался Леруа.

Старик-библиотекарь укатил столик в свой закуток.

Леруа будто бы стер легкую улыбку с лица. Герье, бесспорно, хороший человек, и приятно было бы иметь такого в соседях, но, как и всякий обыватель, он слишком легко принимал за истину полуправдивые сплетни с третьих рук, ничего на самом деле о происходящем не зная. Разве что четыре вместо тринадцати…

Леруа внимательно посмотрел на книжные полки. Герье пытался поддерживать порядок, но ему, очевидно, не хватало сил, а слугам – желания соваться в его пыльное царство. Только на одной полке в нижнем ряду, резко выделяясь среди прочих, золотились совсем новые переплеты… Леруа осторожно, щадя колени, присел рядом с полкой, пробежался кончиками пальцев по названиям… Так и есть: «Жюстина», «120 дней Содома», «Диалог священника с умирающим», даже почему-то немецкий «Молот ведьм» в новейшем издании. Помедлив, Леруа вытянул с полки «Жюстину».

– Выбрали что-нибудь? – раздалось сзади вежливое покашливание. Библиотекарь смотрел на Леруа, сложив руки на груди и склонив голову набок, как остроносая птица; выпуклые линзы очков мешали понять выражение его лица.

– Еще нет, – Леруа медленно распрямился, пытаясь скрыть смущение. Он понимал, что Герье мог расценить его поступок только как проявление самого низменного любопытства, того самого, с которым толпа глазеет на казни, а буржуа листает воскресный выпуск в поисках убийств, грабежей и насилия; и, разумеется, жаждет подробностей.

Наугад Леруа взял с ближайшей полки томик поэзии и попрощался.

– Доброй ночи, мсье Кристоф.

– Доброй ночи, мсье Леруа. Рад был с вами побеседовать! Может, зайдете завтра? Или послезавтра? Я постоянно здесь…

– Как только появится свободное время – обязательно, – пообещал Леруа и наконец удалился.

Недоумение, ничем не выдаваемое внешне, царило в его душе, когда он возвращался в свою комнату. Леруа и сам когда-то, довольно давно, прочитал одну из книг, приписываемых знаменитому маркизу: кажется, «Жюльетту». Он соблазнился отзывами, по которым эта книга «ниспровергала устои» и, окажись она в свободном доступе, как ее героиня, могла бы «разрушить всякие моральные нормы». Прочитав, Леруа нашел книгу скучнейшей порнографией; описание оргий напомнили ему вялотекущий химический процесс, в ходе которого все меня-

ется, но из одного непонятного вещества появляется другое, такое же непонятное. И Бенаж, весельчак и щеголь Бенаж нашел в этом какой-то источник вдохновения, свою Иппокрену злодейства? Не он ли когда-то заявлял студенту Фримеру, что «мне скорее изменит рассудок, чем хороший вкус!». Судя по его любимым книгам, ему одновременно изменил и тот, и другой.

* * *

Невнятным серым утром, когда горничная пришла открыть шторы и принести кофе, Леруа уже давно не спал. Сидя за письменным столом, он сосредоточенно изучал предоставленные ему документы. Он работал, как «мельница Бэббиджа», и ряд цифр, понятных только ему одному, занял уже два скомканных черновых листа; девушка зашла, когда он сдернул со стопки новый лист, одобрительным вздохом отметив качество бумаги.

– Ой, доброе утро! – смутилась юная горничная, застыв на пороге с подносом в руках. – А я думала, что вы спите еще, иначе бы не пришла мешать… Извините, мэтр, я кофе поставлю и уйду, да? Мне еще к мадам Сильвии надо…

– Да, спасибо. Как тебя зовут? – рассеянно спросил Леруа, и не в силах оторваться от письменного стола, он пробормотал себе под нос несколько цифр.

– Николь меня зовут, то есть я Николь, мэтр.

Девушка взглянула на Леруа из-под опущенных ресниц и поняла, что вряд ли он услышал её ответ. Бормоча что-то себе под нос, он зачеркнул последнюю строчку цифр и очень мелко вписал над ними другие.

.– А матушка моя всегда говорила «кто сам с собой болтает, тому рогатый отвечает!», – вдруг выпалила девушка и тут же испуганно съежилась, пытаясь скрыть страх широкой улыбкой.

– Мой профессор всегда так делал, – словно оправдываясь, ответил Леруа. – Дурные привычки заразительны. И к тому же, так проще заметить ошибку.

– А потом опять к Жанно опять пойдете, да? – полюбопытствовала Николь.

– Вполне возможно, – сдержанно ответил Леруа.

Горничная не то что новенькая, но ещё соврешенно не обучена манерам – в голове податного инспектора мимо воли всплыла цифра примерного жалования такой прислуги. Но это столичные расценки…

– Ну, значит, он опять за пиявками побежит, – вздохнула Николь.

– В прошлый раз, как вы ушли, он поставил себе десять штук, только тогда полегчало, – добавила она.

Леруа невольно улыбнулся. Одергивать девушку совершенно не хотелось.

– Мне жаль, что я произвел на мсье Жанно такое сокрушительное действие, – ответил он.

– Ой, тут жалеть не о чем, только спасибо сказать! – отмахнулась Николь. – Налить вам кофе?

– Да, пожалуйста, – с удовольствием согласился Леруа. – Только без сахара.

– Не знаю, как вы его пить можете, – рассуждала она, аккуратно наполняя чашку. – Он же и так горький! – Словно снова ощутив на языке вкус этого напитка, она скривилась в забавной гримаске.

– А молока добавить? – спохватилась она, тревожно глядя на наполненную до самых краев чашку.

– Не стоит, – отказался Леруа, – Это всё.

– Как вам угодно, – пожала она плечами. Даже в этих трех коротеньких словах ее простонародный напевный говор проявился донельзя ярко.

– Николь, а с мадам Сильвией ты тоже так разговариваешь? – полюбопытствовал Леруа, прежде чем Николь ушла.

– Да нет, вы что! – возмутилась девчушка и, подумав, добавила:

– С мадам Сильвией я вообще не разговариваю.

– Почему?

– Она мне запретила, – призналась Николь. Говорит, что от того, как я говорю, она страдает мегерами… нет, мигренями. Так что пока я ее причесываю и укладываю, я только да-нет могу сказать, и то изредка.

Нечаянный каламбур Николь снова заставил Леруа улыбнуться.

– Все говорят, что руки у меня умней, чем голова, – призналась Николь в мгновенном приступе самокритики и, вздохнув, поправила завернувшийся рукав.

– Это Жанно сделал? – Леруа отставил чашку в сторону. Своими сухими длинными пальцами он взял грубую ткань платья и снова обнажил запястье Николь. На нем уродливым браслетом желтели кляксы синяков.

– Да нет, конечно же, – небрежно ответила девчушка.

– А кто тогда?

– Ну… господин Шарль, – ответила Николь. – Да это еще на прошлой неделе было!

– И как же это произошло?

– Ну, как… – Николь явно не видела в происшествии ничего особенного, но рада была поговорить с интересным гостем.

– Господин Шарль смотрел, как я мадам Сильвию укладываю, а потом сказал, чтобы я к нему в мастерскую зашла. Сказал, что у него на картине руки не получаются, и нужно на живого человека взглянуть, чтобы понять, как надо, а у меня руки хорошие. Он мне велел поставить руки вот так, – Николь приложила один палец к губам в извечном жесте молчания, а второй рукой взялась себе за горло. – Ну вот…

Леруа кивнул, приглашая Николь продолжить.

– Ну, он рисовал, рисовал, а потом сказал, что у меня запястья тонкие, как веточки, можно двумя пальцами обхватить… Ну, обхватил и отпустил.

Николь снова пожала плечами, признавая за семейством д'Эвре право на любые прихоти.

Леруа про себя отметил, что он правильно сделал, оставив портрет в портфеле. Конечно, Николь нельзя было заподозрить в склонности к воровству, зато она, с ее простодушной непосредственностью, обязательно бы спросила, кто эта дама. Туманный ответ «девушка, которой никогда не существовало» подошел людям совсем другого склада, а ей пришлось бы врать о покойной жене…

– У меня больше, чем руки голова болела; гудела, прямо как колокол, из-за этого дыма господина Шарля.

– Господин Шарль так много курит? Трубку? – эта деревенская простушка была источником информации о замке, которым уж точно не следовало пренебрегать.

– Нет, господин Шарль не курит трубку, он курит через трубку, – хихикнула Николь. – Трубку я даже люблю, у меня отец ее курил, и запах мне нравится, сразу вспоминается много… А у господина Шарля там, где он рисует, стоит эта длинная египетская штука.

– Кальян?

– Наверное. Он разок черкнет – и трубку эту берет, дым идет такой густой, аж белый, клубами, завитками, как борода святого Николая… прямо не знаю, как он картину свою сквозь нее видит! – рассмеялась Николь.

Леруа промолчал и опустил глаза на бумаги. Николь тут же торопливо принялась прощаться.

– Ну, я пойду тогда, извините, что отвлекала, вы человек занятой, да и у меня работы вдосталь…

– Иди, конечно, – согласился Леруа. – Вот, возьми на сладкое к чаю, раз ты так не любишь кофе, – улыбнулся он и снова углубился в расчеты.

Николь, проникшись важностью его работы, осторожно, бесшумно прикрыла дверь и удалилась от нее на цыпочках.

Прислуга в замке новая и вопиюще неотесанная… Отчего?

Леруа, взглянув на часы, решил, что и самом деле пришло время навестить управляющего. Они работали долго и плодотворно, на вкус секретаря даже чересчур, но ни одно из финансовых ухищрений мсье Жанно не доставило инспектору таким затруднений, как письмо, которое он принялся набрасывать вчерне, вернувшись в свою комнату.

Его извечная тяга к справедливости снова дала о себе знать. Надо было что-то исправить в мире – перенести человеческую жизнь с одной чаши весов на другую.

Николь нечего было делать здесь.

Подобным порывам Леруа никогда не отказывал.

По совести говоря, у него не было друзей, которых можно было бы обременить неожиданной просьбой. Правда, были клиенты, которые оставались ему должны. Не задумываясь больше над формулировками, он взялся за перо, время от времени проговаривая про себя обрывки фраз.

«упоминали, как трудно найти прислугу… в глуши наткнулся на бриллиант… крайне нездоровая атмосфера… немного обтесать… я, как старый холостяк, не могу… ваша супруга с её талантом пробуждать в людях лучшее… ваш комедийный талант… словно персонаж одного из ваших блестящих водевилей… останетесь довольны».

И он адресовал свое письмо мсье Надалю в Париж, остров Сен-Луи. С супругами Надаль он познакомился в 1818 году, будучи в своем официальном качестве, по весьма неприятному и запутанному делу об отягощенном долгами наследстве. Семейство разделилось на две части, каждая хотела побольше денег и поменьше прилагающихся к ним долгов, и через несколько лет скандалы привели их в суд.

Мсье и мадам Надаль вели себя в той чреватой многочисленными осложнениями ситуации со спокойным достоинством, черпая поддержку друг в друге. На том процессе инспектор сделал то, что он считал своей работой, а супруги Надаль – ценнейшей услугой, и переубедить их не удалось. Вспомнив об этом теперь, Леруа решился потребовать от них ответной услуги: принять в их гостеприимный дом Николь.

– Надеюсь, они не примут ее за мою незаконнорожденную дочь, – проворчал он, посыпая письмо песком.

Покончив с этим, Леруа решил навестить старичка библиотекаря.

И тут ему пришлось столкнуться с неожиданностью. Находясь на галерее второго этажа, он заметил выходящего из библиотеки Жана д'Эвре. Вот уж кого он не рассчитывал здесь застать! Пожав плечами, Леруа спустился вниз.

Мсье Герье сидел на прежнем месте, но Леруа он поприветствовал с десятой долей той горячности, с которой вчера приглашал его зайти. Тем не менее, он любезно предложил Леруа чашечку чаю, пояснив, что специально взял его на кухне в расчете на визит господина инспектора.

– Я видел, как от вас выходил младший д'Эвре, – заметил Леруа, присаживаясь. – Не ожидал увидеть его здесь.

– Да! Это было очень любезно с его стороны! Очень, очень любезно, – эхом самого себя повторил Герье.

– И что же он взял почитать? – полюбопытствовал Леруа.

– А почему, собственно, вас это так заинтересовало? – скрипучим, раздраженным тоном спросил Герье.

Леруа снова пожал плечами.

– Банальное любопытство, только и всего, – примирительным тоном сообщил он. – Мне очень понравилась та книга, что я взял у вас вчера.

– Да, Беранже совсем неплох, хотя иногда чересчур вульгарен, – мсье Герье с готовностью поддержал тему поэзии.

Разговор шел рывками, скрипя при каждом повороте, как несмазанная телега, вчерашняя непринужденность исчезла бесследно, и потому, когда библиотекарь на минутку откланялся, Леруа только вздохнул с облегчением. Леруа уже решил, что, когда Герье вернется, он, не затягивая беседу, попрощается и вернется к себе. Естественно, он не мог не задаться вопросом, что послужило причиной такое перемены в поведении мсье Герье… Мысль, что эта перемена и визит Жана д'Эвре оказалась связаны, показалась ему интересной, но бездоказательной.

Дожидаясь Герье, он встал с кресла и прохаживался между полок, почти бессознательной приближаясь к той самой, где была собрана «библиотека злодейства» де Бенажа; и, наконец, вытащил первую попавшуюся книгу. Это оказалась именно «Жюстина, или несчастья добродетели».

И вдруг Леруа показалось, что стеллажи рванулись ввысь, к неосвещенному потолку, доводя инспектора до головокружения, что темнота сгущается и грозится его раздавить…

Книга легко открылась в его руках, доказывая, что ее не раз читали.

Леруа пролистнул страницы, но замер и снова открыл форзац. На первой странице не было экслибриса – ни экслибриса Арно, и какого-либо другого.

А ведь Бенаж был яростно жаден до обладания книгами, и свой первый, тогда еще на меди, экслибрис, заказал, едва только стал студентом. Он обожал помечать книги, он будто становился богаче в собственных глазах; а после того, как студент Фример, насмехаясь, объяснил ему, что «ставить экслибрис на книги, которые ты еще не читал, все равно, что назвать своей женщину, в чьей постели ты не успел побывать», он помечал им только книги прочитанные. Леруа стал открывать другие книги со злополучной полки; «120 дней Содома», «Путешествие Бриза-Тесты», «О тайных знаках на теле» … и везде первая станица была девственно чиста.

Податной инспектор, подумав, взялся за другие полки – редко, но экслибрис мелькал.

– Вы ищете что-то конкретное, мсье? – вернувшийся библиотекарь удивился его бешеной активности. – Вас так взбодрил ваш чай?

– Нет, – Леруа едва успел снова улыбнуться, – Просто столько знакомых книг, но в роскошных новых нарядах; например, монография Гаспара де Прони у меня была с оторванной обложкой… У вас отличная библиотека, мсье Герье!

Польщенный библиотекарь закивал. Леруа выбрал из предложенного ему «легкого чтения» томик комедий Мельвиля и тепло распрощался со старичком.

Возвращаясь в свою комнату, Леруа пытался сохранить хладнокровие, пока его мозг с привычной точностью и скоростью следовал цепочке выводов.

Арно не покупал и не читал этих книг, а, значит, – рассуждал Леруа, – все эти тома поставлены для отвода глаз. Наверняка они появились в библиотеке за достаточно короткий промежуток времени между убийством и обыском. Значит, эти книги у кого-то в замке были под рукой, кто-то их читал, это собрание из глубоко личной библиотечки… – Леруа глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться.

Кто мог обладать такими специфическими интересами, достаточной суммой денег для того, чтобы вырядить дешевую порнографию в переплеты классики, знанием немецкого и английского? Кто поставил эти книги в библиотеку?

Ответ легко дался Леруа. Шарль. Меткий стрелок.

Но зачем?

Этот вопрос был чуть сложнее, но возможно, – подумал Леруа, – стоило взглянуть на то, что Шарль д'Эвре получил в результате. А Шарль, благодаря своему выстрелу, вернул замок в семейную собственность и подарил сестре немалое состояние де Бенажа. Были ли свидетели той погони с секирой, того якобы спасительного выстрела, кроме членов семьи? Был ли между

ними сговор? А найденные в комнате тела – в самом ли деле в их смерти повинен де Бенаж? Скорее всего, да.

Но и в этом случае, – лихорадочно рассуждал Леруа, – ничто не отменяет возможной провокации. Возможно, мадам Сильвия обнаружила тайник намного раньше и без свидетелей в лице разгневанного мужа. Возможно, благодаря отличной выдержке, она не стала падать в обморок возле статуй, а пошла и поделилась своей находкой с братьями. И тогда, на семейном совете, было принято решение…?

Но она могла просто разоблачить де Бенажа, обратившись к главе здешней полиции, мэтру Гийому, показать ему комнату, дождавшись, когда муж уедет…

Леруа давно встал с постели, он зажег свечу и снова сел за стол, выводя на бумаге затейливые линии сухим пером.

Почему же она не захотела это сделать? – размышлял Леруа. Возможно, просто решила, что так надежнее, – почти сразу нашел он ответ на свой вопрос. Смерть – это всегда надежней, чем аресты, допросы… А для убедительности подкинуть книги, чтоб сразу разбудить неизжитые суеверия и уничтожить желание задавать любые вопросы. Зачем, если все ответы – вот они, на поверхности! Практичное решение вполне в духе д'Эвре, насколько Леруа успел в них разобраться. А пыточные приспособления – сколько лет они пылились там, в подвале, с каких времен?

Или он напрасно пренебрегает бритвой Оккама, ищет сложное объяснение там, где все давным-давно приняли простое? Может, развившаяся за годы службы подозрительность, наконец, перешла все пределы здравого смысла? Конечно, раньше она всегда оправдывала себя, но все же, все же…

И – весьма интересная деталь – что же было с ним в библиотеке, что за наплыв тьмы? Он ведь так давно привык, что кроме Справделивости, его никто не тревожит, а тут книги будто ожили…

Несмотря на крепкую нервную организацию, эти вопросы довольно долго мешали Леруа заснуть. Он успокоился, только составив примерный план действий, который, по его замыслу, должен был подтвердить или опровергнуть его фантастичные подозрения.

Глава 2. Уместность ностальгии

Расспрашивать в чужом доме новонанятую прислугу или беспокоить хозяев своими догадками, основанными на воспоминаниях двадцатилетней давности, было бы совершенным верхом глупости.

Но ведь кроме замка, была ещё и деревня. Утром следующего дня Леруа заявил, что ему необходимо прогуляться, а заодно и отправить письмо. Никто его не удерживал, а секретарь Жанно, казалось, едва смог утаить вздох облегчения. Первым пунктом в своем полусерьезном походе за истиной Леруа поставил знакомое из документов имя: мэтр Гийом, глава местной полиции.

Идя по улицам Поммерэ, он то и дело сталкивался с любопытными взглядами и сам в свою очередь с интересом рассматривал низкие и широкие дома, затейливые флюгеры на крышах, неработающий фонтан с покосившейся нимфой, держащей в руках кувшин. Подойдя поближе, он увидел, что лицо нимфы все в рытвинах, вероятно, от пуль.

Двухэтажный дом на площади мог похвастать невысокой и толстой башенкой, где размещалось отделение полиции (четыре человека от силы, – прикинул Леруа) и архив. Именно там, в скромном, густо пропитанном ароматами табака кабинете, инспектор и нашел мэтра Гийома. Высокий, с изрядным брюшком и могучими руками, он был занят тем, что следил, как безусый юнец в форме, кашляя и отплевываясь, опустошает стакан какой-то мутноватой жидкости. Когда тот закончил, мэтр, не слушая возражений, налил еще.

– И второй, быстро! И третий! А теперь марш домой, спать!

Мальчишка послушно побрел к выходу, неуверенно поздоровавшись с Леруа. Теперь они с мэтром Гийомом остались в кабинете вдвоем.

Мэтр посмотрел на прилично, но совершенно немодно одетого гостя с изрядно побитым жизнью портфелем в руках, сухим невыразительным лицом чиновника, и безошибочно его поприветствовал:

– Доброе утро, мсье инспектор!

– Доброе утро, – сдержанно кивнул Леруа в ответ, не удивляясь такой проницательности. Что в замке, что в деревне, вероятно, не осталось ни одного человека, который не знал бы о приезжем инспекторе, а уж совместить лицо с должностью…

– Вы, верно, не понимаете, что тут только что было?

– Не откажите в разъяснениях, – согласился Леруа.

– Этот паренек, Жан, сегодня ночью своего первого убил. Тут недалеко облава была, один идиот торговца зарезал, в разбойники решил подаваться. Но – идиот. Вернулся домой за едой и теплой одеждой, не захотел зимой в лесу мерзнуть. А тут мы, а он принялся дубиной махать, вместо того, чтобы пойти по хорошему… Вот Жан его на штык и принял, строго по уставу.

– Не сомневаюсь.

– Но вы же не это выяснять пришли? – басовито хмыкнул Гийом, и в глазах его промелькнула настороженность, совершенно не вяжущаяся с его простецким обликом и манерой речи. – Я могу чем-то помочь? Да вы располагайтесь, – спохватился он. – Тут у нас по-простому…

И верно. Стол, полдюжины стульев, длинная скамейка у стены – вот и вся обстановка. Дальше, в тупичке коридора виднелась дверь с решеткой на маленьком оконце. Узилище, надо полагать.

– Я буду очень благодарен, если вы ответите на несколько вопросов о семье д'Эвре. И о том… трагическом происшествии.

– Хм, несколько вопросов… – и в глазах мэтра Гийома, разменявшего четвертый десяток лет, проскочила смесь недоверия и усталости. Надоели ему вот такие «вопрошающие», и столичный чиновник с непонятными полномочиями тоже, естественно, не обрадовал. Кто

знает, какие у него связи, и что будет, если отказаться удовлетворить его любопытство. Пожав плечами, мэтр Гийом, видимо, решил идти по пути наименьшего сопротивления.

– Неужели в свободное от работы время статейки кропаете? – все же подпустил он шпильку.

– Нет, – кротко ответил Леруа.

– Покойного я знал мало, – предупредил его Гийом.

– Я хочу узнать не про него, – Леруа уселся на скрипучий тяжелый деревянный стул, – Меня интересуют нынешние владельцы замка Моро. Вы их хорошо знаете? Я не нашел в бумагах, сколько вы уже занимаете этот пост…

– Этот пост я занял пятого фрюктидора, года республики…

Леруа поперхнулся.

– Однако, вы тут явный долгожитель.

– Бывает, – не без удовольствия согласился полицейский.

– Что делала семья все это время?

– Ну… Тяжело им было. Их первое время Рошмон, лакей старый, который ферму от их деда получил, содержал, потом умер. Какие-то деньги приходили, уже при первом консуле, потом все заглохло, видать родственник какой умер, и остались они на ферме втроем. Но друг за друга крепко держались, не оторвешь. Шарль, как старший из мужчин, сразу кинулся деньги зарабатывать. С самой мелкой торговлишки начал, чуть не на себе товар таскал. Все, что из города к нам привозят – все готов был доставить. Братец при нём, хотя временами его батрачить отправляли – больше проку. Сестру они работать не отпускали – хозяйство вела.

– И в столицу не подались?

– Пока братья сопляками были – чего им там делать? Золотые с мостовых собирать?

– Тоже верно.

– Понемногу на ноги встали, Шарль лавку открыл, ту, которую сейчас Лозо держит. Жениться хотел, но только не здесь, не в деревушке. И что-то у него не срослось…. Н-да… Словом, после того, как император англичанам блокаду объявил, они уже вполне достойными гражданами были. К Сильвии многие сватались.

Гийом недовольно скривился, и Леруа решил, что сам он вряд ли стремился взять в жены такую девушку, но просватать кого-то из родственников – вполне возможно.

– И что, всем отказывала?

– Она тогда уже хотела в замок вернуться. Спесь свою дворянскую в карман спрятала, но если человек чего по жизни задумал, того не спрячешь. Первой павой в округе была, остальные на неё равнялись, дурочки. И вот, выскочила. Удачливая – и замок её, и голова на месте осталась…

– А Шарль?

– Что Шарль? Он как торговцем стал, так по жизни и пошёл. Я хоть и в глуши живу, но таких повидал, что дворянин, то сын фермера, а жилка одна… К старости капиталец приличный скопят, будут на ренту жить. У Шарля, конечно, вечные незадачи с женитьбой имелись. Претензии-то у него по сватовству были как у аристократа, владельца замка, а выйти за него были согласны только те, кого и делец устраивал…

Леруа задумался. Гийом тоже помолчал.

– Что-то мне подсказывает – неспроста вы, мсье, этим делом интересуетесь. Не из чистого не отягощенного корыстью любопытства. Что же вас не устраивает в семействе д, Эвре, что вы не поленились сюда прийти?

– Скажите, мэтр Гийом, этот вот новобранец, которого вы сейчас накачали вином – лет через двадцать, он сможет вспомнить вкус?

– Может, и вспомнит, – пока не понимал полицейский.

– Но вот вы окажетесь рядом, и вдруг услышите, что тот будет врать, как его отпаивали лучшим бордо. Не этим, – Леруа напоказ принюхался, – домашним, а из бутылки, что в погребе двадцать лет стояла. Про штыки и бандитов многие врут, и это, можно сказать, естественно, а вот когда начинают врать про такие мелочи…

– Врут все, мсье, и по любому поводу. Так вас смутила какая-то мелочь, и вы постарались найти объяснение позаковыристей? Простое вас не устраивает?

Леруа подумал… и решил сообщить правду, выяснить, как на неё отреагирует местный страж закона.

– Мы с Арно де Бенажем вместе учились в Сорбонне, когда он ещё был Бенажем без всяких «де». Мы дружили.

– А!

– Не виделись двадцать лет, – спокойно уточнил Леруа.

– Ага… – Гийом налил себе выпить. – И теперь вас смущает такой меткий выстрел в голову?

– В числе прочего. Я не спешу делать выводы, но мне кажется, что в этом деле есть некоторые странности… Но я почти ничего не знаю. Газеты врут, в замке молчат. Вы должны были видеть все своими глазами…

– Если вы хотите оправдать своего друга, то на это мало шансов, говорю сразу. Я был там самое большее через час после того как Шарль нажал на курок. Тело, свидетели, пистолет – все мне сразу показали, со всеми я переговорил. А, главное, тела.

Четыре такие маленьких тела, скрюченных, с поджатыми руками и ногами внутри статуй каких-то там артемид и креатид. Они стояли в потайной комнате, и в самих статуях имелись тайники, в животах, – с большими стеклянными колбами. Все покойные жены вашего Арно как на подбор. Серьги в ушах. Сильвия все рассказала – она зашла в кабинет мужа, увидела вход в комнату, и заглянула туда, когда он снимал часть торса. Тот забыл закрыть дверь. Закричал, погнался за ней. Трое из прислуги видели, как гнался. В личных вещах нашли жидкости для бальзамирования…

– Их могли принести, что ли?

– Статуи? Такие большие и тяжелые? Втайне от слуг? – полицейский саркастически ухмыльнулся.

– Это в любом случае происходило втайне от слуг. Кстати, они все были местными?

– Не все, пятерых де Бенаж привез из Парижа. И один из них подтвердил погоню с топором.

Леруа вскочил и неравно зашагал из угла в угол. Его сухое угловатое лицо было так не приспособлено для эмоций, что казалось, будто гигантский богомол готовится выступать в трагической роли.

– У вас бывает так, что не сходится баланс? – вдруг задал он вопрос Гийому.

– Всегда. Тяжело с арифметикой.

– Так вот у меня уже скоро сутки как не сходится. Когда ехал сюда, был уверен, что Арно просто сошел с ума.

– Такая охота рыться?

– Да, – твердо ответил Леруа.

– Хм, – с явным сомнением мэтр Гийом открыл и закрыл крышку чернильницы, будто думал, выпускать ли туда облако тьмы, – У него была любовница, Жюли Мальво, она жива и сейчас. Невеликого ума особа. Днем по хозяйству возится, вечером лёжа зарабатывает, если желающие находятся. Будь у неё чуть побольше храбрости, давно бы в столицу укатила и сгинула бы. А так ни рыба, ни мясо. Расспросите её.

– Благодарю вас, я так и сделаю.

Дом брата и сестры Мальво действительно находился на самом отшибе, за третьим или четвертым поворотом дороги, когда другие здания в деревни, кроме шпилей церкви, давно скрылись из виду. Но Леруа было не привыкать к продолжительным пешим прогулкам.

Он рассматривал дом Мальво, не пытаясь скрыть свое любопытство, хотя на первый взгляд тот ничем не отличался от своих собратьев в деревне. Дом был очень стар, наверняка в нем сменилось не одно поколение жильцов; в его стенах змеилось несколько широких трещин, две ступеньки крыльца стерлись и почти слились в одну, буйно разросшийся виноград заплел окна. В стоящем нараспашку кривобоком сарае был кучами свален всякий хлам. Однако крыша просто пламенела новой черепицей, труба была сложена из не успевшего потемнеть кирпича, да и ставни с рамами выглядели совсем новенькими.

На двери красовалась начищенная до блеска латунная ручка.

Из крестьянского хозяйства был виноград, яблони или сливы с редкой кроной и несколько опустевших к ноябрю грядок под окнами.

На стук Леруа открыл хмурый заспанный хозяин. Он смотрел на гостя недовольно, но без интереса, а Леруа рассматривал его с тем же изучающим любопытством, что и дом.

Мешки под мутно-серыми глазами, небритость столь давняя, что уже переходящая в бороду, и солома с перьями, прилипшая на штаны из набивного жаккарда. К штанам явно недоставало ливреи, а если слуга так себя запустил, то, значит, он уже бывший слуга. Из тех, кого уволила мадам де Бенаж.

– Мне надо видеть Жюли Мальво. Я от мэтра Гийома, – сообщил Леруа.

– И что, так срочно? – ухмыльнулся мужчина.

Леруа показал свой лучший «обличающий» взгляд – такой бывал незаменим при внезапных ревизиях, и замораживал сердца трусливых казнокрадов.

– Надо так надо, – смешался Мальво. – Жюли, к тебе гость!

– Дурак, я по делу, – инспектор отодвинул к стене коридора незадачливого хозяина и прошел на кухню, откуда доносился стук посуды.

Жюли было лет двадцать пять. Она была неплохо сложена, со множеством щедрых, приятных глазу округлостей, но вот её лицо особой привлекательностью не отличалось. Тусклые жидкие косы неопределенного цвета были изрядно растрепаны, словно она заплела их два или три дня назад, да так и оставила. Одетая в потрепанное и засаленное домашнее платье, она готовила пирожки, сноровисто раскладывая по «лодочкам» мясную начинку. Медный таз, висевший на стене за её головой, превращался в гротескное подобие нимба.

Леруа, чтобы не запачкать костюм мукой или не измазаться копотью от горевшей печи, встал чуть поодаль.

– И чего надо? – спросила она неожиданно приятным голосом, низким медовым контральто, едва повернув голову.

В Жюли проглядывали остатки живости и грациозности, которая присуща молодости, но теперь на пороге стояла непритязательная зрелость, с блеклым цветом лица, плохими зубами и обвисшим декольте.

– Глава здешней полиции прислал меня уточнить некоторые обстоятельства.

– Спохватились… – она утерла лоб тыльной стороной ладони.

– Вы знаете, о ком я буду спрашивать.

– Я с ним только раз пять или шесть была, ужа давно, – скучным голосом она начала проговаривать явно заготовленные ответы. – Пил много, любил кальян покурить, помешивал туда какую-то гадость. Потом сидел и улыбался, будто истукан.

В коридоре, не решаясь вмешаться в беседу, топтался братец Мальво.

– Он давал тебе большие деньги?

– Ха, какие там большие, разошлось все давно.

– Насколько давно?

– Не поняла.

– Когда он посещал тебя в последний раз? – инспектор достал блокнот и сделал вид, что готов записать ответ.

– Да месяца за два до того, как ему взбрело в голову топором помахать.

– А дорогие подарки он тебе делал – сережки, кольца, цепочки?

– Мсье, у нас брать нечего, сами видите.

– Но тогда, может быть, он сожалел о деньгах? У него не было приступов скупости «купил вот, а оно подешевело»?

– Ха-ха, – она вытерла руки о передник. – Старый хрыч любил деньги, но ему больше нравилось их тратить. Ко мне он ходил из скуки, когда за то заплатил и за сё заплатил, и давать большие деньги на одно и то же совсем не хочется.

– Чего-то особенного не требовал?

– Дурень вы всё-таки, как вас там, мсье Леруа, – усмехнулась Жюли. – Он хоть и тронулся мозгами, но тайну свою посмотрите сколько лет хранил. Думаете, не понимал, что если он мне о чем-то таком-эдаком намекнет, то это в два дня по всей деревне разнесется?

Инспектор про себя усмехнулся – простота людская порой кажется умнее всяческих предусмотрительных рассуждений.

– Разве что… – немного замялась Жюли.

– Да? – подался вперед Леруа.

– Он меня петь заставлял. И сам со мной пел.

– Что, прямо во время…? – Леруа немного растерялся.

– Да нет же! – расхохоталась Жюли. – Сразу после. Деревенские всякие песни и еще эту, на латыни, заставил со слуха выучить, хотя у самого голоса не больше, чем у козла было… Смеялся много.

– …и еще он обожрал весь дом. Когда приходил, так по две буханки хлеба уминал. Вино, даже самое дешевое, хлебал из горла. Еще любил ветчину с перцем. Специально денег давал, чтобы свинину и пряности по отдельности покупали. А он уже перчил в своё удовольствие.

Это была ностальгия в чистом виде. Леруа вычеркнул самый главный вопрос из списка своих сомнений: друг молодости не сошел с ума, не растратил весь свой разум по дебитам и покупкам. Если у человека за душой такая тайна, и ветер тьмы надувает паруса его жизни, то ему не с руки идти за простенькими перчеными радостями к деревенской потаскухе, и получать от них самое искреннее удовольствие.

– А по деньгам за все время, во сколько ты ему стала?

– Ой, мсье, не считала я.

Дом говорил о сумме куда лучше своей хозяйки. Хотя инспектор не увидел здешнего «будуара», однако общую цифру уже примерно представил.

– Но ты его почти наверняка скрягой ославила, чтоб не завидовали, – заметил Леруа. – За два дня и на всю деревню…

– Как можно такое? – она фальшиво ужаснулась.

Будущие пирожки были сбрызнуты маслом и на противне отправлены в печь.

– Ну раз так, советую вам с братом хоть немного заняться хозяйством. Надо же чем-то обеспечивать себя в старости.

– С такими разговорами идите-ка к Жерому, он как раз сейчас в подходящем настроении. Все вам объяснит, заслушаетесь.

– Всего хорошего, – Леруа откланялся. – Мсье Мальво…

– Чего вам, инспектор? И зачем сюда пришли? Наследство высчитываете? Стараетесь? – Жером вяло улыбнулся и, прислушиваясь, тряхнул бутылку. Там оставалась едва ли треть содержимого.

– Находите это неправильным?

– Да, черт подери. Эту дуру должны были зарубить, я сам видел. Он же гнался за ней, она визжала как свинья, звала своего дорогого Шарля, споткнулась на лестнице. Еще чуть, вот совсем же чуть-чуть, и он бы её зарубил!

– Что же плохого в том, что мадам Сильвия выжила? Ах да, вам теперь придется работать на земле. Весьма почтенное занятие, – сообщил Леруа

– Вот сами бы и работали. Что, никогда не хотелось? – набычился Мальво.

– До свидания, – Леруа резким движением распахнул дверь.

Эта семейка была гротескной сатирой на нынешних обитателей замка. Леруа удивился, что Сильвия терпит таких на своей земле.

Леруа, задумавшись и не замечая этого, брезгливыми жестами принялся отряхивать одежду.

Что до той информации, что ему удалось выяснить, то все прояснилось и одновременно запуталось еще больше. Инспектор уже не сомневался, что в превращении Арно для всего мира в Синюю бороду присутствовал точный расчет. Но удалось ли осуществить всё так, как это было задумано? Стал бы брат так рисковать жизнью сестры? Леруа оборвал нить рассуждений – желудок намекал ему, что приближается обеденное время, а последние годы ему плохо удавались размышления натощак.

* * *

Если обед прошел спокойно, то к вечеру в замке стало многолюдно – мадам де Бенаж давала званый ужин. Гости в большинстве своём знали друг друга много лет, приехав обменяться сплетнями и показать наряды, копии с парижских полугодовой давности; и потому, увидев новое лицо, весьма назойливо стремились с ним побеседовать.

Инспектору не улыбалось весь вечер изображать клоуна – отшучиваться и рассказывать анекдоты из жизни министерства. Он несколько раз односложно ответил, вошел в привычный образ равнодушного ко всему, кроме цифр, калькулятора, и его быстро предоставили самому себе.

Леруа постарался продолжить свое наблюдение за братом и сестрой, но рассмотреть их было трудно: Сильвию закрывали от постороннего взгляда поклонники, а Шарля, хоть и не столь назойливо, осаждали девицы. Особенно среди них выделялась одна привлекательная рыжая и белокожая мадмуазель в ярко-розовом платье. Она была одета богаче других и обладала самым пронзительным голосом, а так же самым высоким ростом.

– Мсье Шарль, а вы выполнили свое обещание? – кокетливо спросила она.

– Спешу вас обрадовать, – безукоризненно галантно ответил Шарль и внезапно жестом фокусника раскрыл перед ее глазами большой пышный веер с вызолоченными планками. Леруа со своей близорукостью не мог рассмотреть, что же было на нем изображено, только смутно различал зеленые и голубые тона.

– Я трудился на ним не меньше недели, – улыбаясь, сообщил Шарль и с легким поклоном вручил его рыженькой. Та приняла веер с некоторой растерянностью.

– А почему вы выбрали именно этот сюжет? – кокетливо обмахиваясь подарком, спросила она.

– О, это очень просто, – снова улыбнулся Шарль. – Эта башня символизирует вашу возвышенную натуру, а бабочки возле нее – ваш тонкий вкус и изящество.

– Ах, как же я сразу не догадалась! – восхитилась мадемуазель, – как тонко и точно вы разобрались в моем характере, – понизив голос, добавила она.

Зато её мать в черном тюрбане, расшитом жемчугом, поняла насмешливый намек, если судить по негодованию в косом взгляде на Шарля д'Эвре. Более интересным инспектору показалось другое: одновременно с мадам на Шарля недовольно посмотрела Сильвия, и этот взгляд он заметил и ответил на него легчайшим пожатием плеч; тем не менее, под её присталь-

ным взглядом он предложил рыженькой мадемуазель руку, и в столовую они прошли вместе. Видимо, Сильвия очень хотела оставить брата здесь, привязать его навсегда к замку браком с представительницей местной аристократии. А Шарль, судя по обеденным разговорам, не хотел жить нигде, кроме Парижа. Интересно, кто выйдет победителем? – гадал Леруа, усаживаясь за стол.

Им было подано превосходное рагу из оленины в винном соусе. Со всех сторон неслись блаженные вздохи и завистливые похвалы искусству творца этого кулинарного шедевра.

– Сильвия, ваш повар – просто чудо! – громко сообщила та самая мадам в черном тюрбане. – Вы просто заставили меня вспомнить Версаль! Настоящее блаженство!

– Когда-то он служил в парижском особняке моего отца, – охотно ответила Сильвия. – Потом был вынужден уехать. И когда я его отыскала, он работал в особняке Буало и стряпал ужасных, целиком зажаренных кабанов, и естественно, с большой охотой согласился перейти к нам на службу.

– И за небольшую плату, наверное? – с привычной бесцеремонностью поинтересовалась мадам, звякнув огромными рубиновыми серьгами.

Нетрудно было догадаться, что она является одним из столпов местного высшего общества. Сильвия в ответ только улыбнулась.

– Если вам понравилось рагу, оставьте в себе силы для десерта, – вмешался Шарль, обращаясь сразу и для мадам, и к ее дочери. – Будет совершенно необыкновенный торт, я лично делал к нему наброски и чертежи.

– А зачем вам могли понадобиться чертежи? – удивилась дочка.

– Вы сами все увидите, – пообещал Шарль, намеренно разжигая в гостях любопытство.

Сильвия тем временем решила вовлечь Леруа в беседу

– Вам понравилась наша библиотека? – лукаво спросила она. – Конечно, наше собрание не идет ни в какое сравнение со столичными домами.

– Зато вам очень повезло с библиотекарем, – заметил Леруа. – Мсье Герье живет ради книг. Жаль, что он так быстро уехал, я бы с радостью побеседовал с ним еще.

– Да, нам самим было жаль его лишиться даже на такой короткий срок, но он сразу выговорил для себя условие, что на рождественские праздники непременно должен быть с семьей.

– Я думаю, что и вы в какой-то мере являетесь его семьей, – заметил Леруа. – Он сам мне об этом говорил.

– Да? Очень мило с его стороны, – улыбнулась Сильвия. – А вы, я знаю, брали прочитать последнюю книгу Сен-Симона? Что вы о ней думаете?

– Книги? – вмешался в разговор один из поклонников Сильвии, молодой человек с пышными усами и густым румянцем, явно недовольный тем, что хозяйка вечера столько внимания уделяет пожилому чиновнику.

– Почему же Вы не спросите об этом меня? Вы же знаете, дорогая Сильвия, что я просто обожаю читать! Я готов читать все, что угодно!

И вдруг Сильвия взглянула на Леруа с быстрой, как молния, заговорщицкой улыбкой. Леруа просто не смог не улыбнуться в ответ, уголки губ с некоторой задержкой, вызванной непривычной работой, сами поползли вверх; но Сильвия уже отвернулась и заговорила о чем-то необязательном с соседом справа.

Наконец объявили обещанный десерт, двери распахнулись, и четверо лакеев на массивном серебряном подносе внесли огромный торт.

В первый момент Леруа не успел разглядеть его толком, только удивился странной, асимметричной форме, похожей на полуразрушенный лестничный пролет; когда же торт водрузили на стол, он увидел, что это не лестница, а полукруг с скамьями в три яруса, покрытыми черной и белой глазурью. На них сидели марципановые фигурки, каждая ростом с ладонь.

Кондитер сделал их так искусно, что они сидели в совершенно естественных позах, с разными чертами лица, но с общим выражением. Их взгляды были направлены в одну точку, где должна была стоять трибуна, а стояла гильотина, точнее, ее миниатюрная, но точная в каждой детали копия, и сталь скошенного лезвия холодно отблескивала.

И внезапно Леруа понял, что на гильотину смотрят съедобные копии Дантона, Марата, Робеспьера, с карикатурно увеличенными чертами. Были еще Кутон, Сен-Жюст, даже старик Мирабо угодил в эту компанию.

Он негромко кашлянул, вслушиваясь в объяснения Сильвии для гостей, что «каждый может выбрать революционера себе по вкусу и поступить с ним как полагается».

– Это как же? – довольно громко проворчала мадам в черном тюрбане, возможно, недовольная тем, что торт почти полностью скрыл от ее дочери Шарля дЭвре.

– Позвольте вам продемонстрировать, – радушно улыбнулась Сильвия. Её изящная ручка в непритворной задумчивости зависла над головами кукол и, наконец, остановилась на герцоге Эгалите. Сияя, она укладывала подвижные конечности куклы в коленопреклоненную позу, когда ее руку вдруг перехватил Шарль.

– Убери пальцы из-под ножа, – тихо сказал он, Леруа пришлось напрячь слух. – Вдруг замок сорвется.

– Что за глупости, Шарль! – недовольно ответила Сильвия, но куклу всё же отдала.

Шарль, против обычая, разместил Эгалите лицом вверх, подведя его шею точно под опускающееся лезвие.

– Вы знаете, так казнили их отца, – шепнула Леруа соседка. – Он сам пожелал видеть все…

Сильвия вместе с остальными гостями взволнованно следила за руками Шарля.

Лезвие со свистящим вздохом упало, и отрубленная головка покатилась в крошечную корзину, а из желейной шеи медленно выступил густой и сладкий красный сок.

Шарль галантно поставил корзинку с головой герцога среди бумажных цветов у тарелки сестры, затем подал блюдце с телом обезглавленной куклы.

Сильвия изящно принялась за десерт, ножичком разделив куклу на части и макая их в густо-красный сок, как в подливу.

Шарль весело узнавал пожелания гостей,

– Тальена, я хочу Тальена!

– Марата!

– Демулена!

Передавая тарелочки все дальше по столу.

– Головы можно оставить на память, как скромный сувенир, – объяснила Сильвия, промокая губы белоснежной салфеткой и протягивая корзинку мадам в черном тюрбане.

– Мсье Леруа, а кого вы выберете? – весело спросила она у инспектора.

– В самом деле, выбирайте! – подхватил её брат. – Осталась почти вся Директория. Кого вы хотите съесть?

– Я предпочел бы съесть гильотину, – подумав, без намека в сухом скрипучем голосе на юмор сообщил Леруа.

– Но ведь она настоящая! – в первый раз за все время вмешался в разговор Жан. – Её нельзя съесть.

– В этом то и дело, – вздохнул инспектор и, чтобы не выделяться, положил себе на десертное блюдце часть скамьи. Выражение на лице у Сильвии он не понял, зато его сухопарая соседка снова оживилась и конфиденциально спросила Леруа.

– Я слышала, что это самое последнее парижское развлечение, верно?

– Было последним, когда я уезжал, – скупо подтвердил Леруа. – Не ожидал встретить здесь подобное.

– Думаете, в провинции вы всегда обречены на второй сорт? – обиженно уточнила дама.

– Вовсе нет, – поспешно отказался Леруа, глядя на Сильвию с Шарлем.

Что ж, кажется, сегодня он получил доказательства тому, что Шарль не стал бы подвергать жизнь своей сестры опасности; доказательства, может, не слишком веские для беспристрастного наблюдателя, но лично для Леруа более чем удовлетворительные.

Леруа ещё раз оглядел стол. Гости, старательно копировали хозяйку, они с неподдельным удовольствием и весьма оживленно разделывались с десертом. А господин инспектор внезапно вспомнил сказки, которые любил в подпитии рассказывать одноглазый баварец, бывший за повара в их роте. Теперь в замке Синей бороды весело пировали выросшие Гензель и Гретель.

Глава 3. Ради кого?

В комнату, которую он привык называть своей, Леруа попал уже глубоко за полночь, и, не раздеваясь, сразу лег. Он вспоминал события прошедшего дня, старательно удерживаясь от того, чтобы провалиться в сон. Лучшим средством от этого для Леруа были размышления.

Он вспоминал злорадную речь Мальво, вспоминал серьёзность, с которой Шарль перехватил руку Сильвии, оберегея её даже от намека на самую пустячную опасность… нет, брат не стал бы так рисковать жизнью сестры. Погоня была настоящей, Арно обезумел и хотел убить свою жену… а Сильвии просто повезло, как все и говорили. Да, из того, что он успел узнать, оставались неувязки и несостыковки, те же книги, например… но когда это жизнь обязана была быть полностью логичной? Леруа, как истый логик, понимал это даже лучше других. Сброшенная с души тяжесть заставляла его улыбаться в темноте.

Мысли, уже не связанные с убийством, плыли, как осенние листья по темной воде, попадая в водовороты и завихрения и снова выбираясь из них… наблюдая за их кружением, Леруа постепенно погружался в сон… и вдруг это кружение перестало быть приятным, в ушах снова до звона зашумело, и сердце застучало быстро и надрывно.

Застонав, Леруа перекатился на бок, подтянул колени к подбородку, обхватил их руками, да так и замер, скорчившись. Головокружение быстро схлынуло.

Оставаясь на боку, он закрыл глаза, но не для того, чтобы заснуть – Леруа старательно, с мучительным напряжением прислушивался к себе.

Неужели в нем снова зашевелилось это чувство, возникло это ощущение… не зная более подходящего имени, Леруа называл это жаждой справедливости.

Тот порыв, который заставил его подыскать место для служанки – он был как легкий кашель перед страшной чахоткой. Предвестие бури. Выломанная дверь в разграбленном доме.

Теперь всё начиналось в полную силу.

И при одной мысли об этом Леруа мгновенно охватила глубочайшая душевная и физическая усталость. Тело словно налилось свинцом, голова же, напротив, стала легкой и пустой; в этой пустоте, как назойливая муха, жужжала и билась боль.

Он и раньше чувствовал эту жажду, и всегда действовал сообразно ей, даже если это шло вразрез с его личными интересами, но… Сейчас он с беспощадной к себе ясностью понимал, что не хочет знать ничего об этих убийствах, не хочет открывать эту дверь. Пусть даже убийство Арно было подстроено – он тоже мертв, мертвецу безразлична его репутация, и нет родственников, которых бы запятнало родство с Синей бородой. Если он вскроет все секреты этого замка, если вдруг все его смутные подозрения облекутся в плоть и виновность Шарля подтвердится… Кому это пойдет во благо? – спрашивал себя Леруа. Никому.

А Сильвия будет заново вынуждена пройти сквозь свой худший кошмар. Этот яркий, жизнелюбивый дух будет сломлен, если Леруа продолжит своё расследование и найдет доказательства. В прошлый раз выжить ей помогла ее семейная гордость и унаследованная от предков стойкость, ее семья; а теперь, если Леруа прав, ей больше не на что будет опираться. Она не заслужила такого.

– Господи, пусть мёртвое прошлое само хоронит своих мертвецов, – монотонно сказал Леруа и выругался сквозь зубы.

При каждом столкновении жизни и Справедливости к нему возвращалось воспоминание о том, где и когда он посмотрел в глаза собственной жажде.

Еще до армии временами его что-то толкало под локоть, он порой встревал в смертельные переделки только чтобы переложить кусок хлеба с одной чаши весов на другую. Это не давало ему расти по службе, отталкивало друзей, ведь большинство людей не любят и не и не умеют быть благодарными.

И Леруа решил, что лучше разобраться с самим собой. Посмотреть в лицо судьбе.

В Испании судьба смотрела в лицо всем.

Он умирал тогда. Почему-то для него было очень важно умереть не в лесу, среди трупов своих и чужих солдат, валяясь в перемешанной с кровью грязи, почему-то он, зажимая рукой рану, пополз туда, где смутно белела полуразрушенная часовня. Может, ему просто хотелось умереть вдали от войны – так далеко, насколько хватит сил уйти от нее. Может, часовня тогда стала для него символом иных стремлений человека, чем стремление убить ближнего своего. Может, потому, что в часовне было самую малость теплее, чем в пронизанном ветром и дождем лесу. Он дополз.

Часовня была заброшена очень давно, не осталось ни следа церковной утвари, только еще крепкая крыша над головой и остатки фресок на стенах: чьи-то скорбные глаза, часть нимба, ухо, поднятая в благословляющем жесте рука. Под этой рукой он и привалился к стене. Жизнь тонкой струйкой просачивалась сквозь пальцы.

Он не знал, для чего продолжает сводить края раны, ведь, даже будь рядом лучший лекарь, он ничего не смог бы поделать – ранения в живот смертельны. «Это несправедливо» – успел подумать он, – «Господи, как же это несправедливо! Несправедливо…

Леруа думал уже не только о себе, он вспоминал войну, чужую глупость, и бездарность, насилие и жестокость, все, за что нужно платить жизнью. «Это несправедливо…» Он бессильно опустил окрашенные красным руки. Перед глазами мелькали цветные круги, и он уже не мог с уверенностью сказать, кто он такой. Он уплывал в небытие, и там было тепло.

– Не хочу, мне еще рано, я еще не расплатился…

– А кому ты собираешься платить?

– И чем?

– Выбирай…

– Выбирай… – голоса стали перекликаться у него в голове, как крики чаек над водой, Леруа уже не мог различить слов, и, проваливаясь вглубь головокружения, он так и не смог выбрать, кому платить. И все завертелось, исчезло в ослепительном сиянии, во вспышке чудовищной боли.

Он очнулся к утру. Леруа лежал, скорчившись, зажимая руками живот, словно его кишки по-прежнему выскальзывали наружу. Но раны не было. Не было даже шрама, только прореха в ткани и пропитанная кровью одежда. И кровь на полу.

Снаружи доносились пьяные голоса испанцев – мародеры делили добычу.

Леруа в ужасе уполз из часовни и плохо помнил, как ему удалось добраться до своих.

Много позже, уже в Париже, он заметил в себе изменения. Когда это чувство проявилось впервые, он понял, что не может поступить несправедливо. Никто не говорит, что он не пытался – он пытался, ведь абсолютная справедливость упорно вступала в противоречие с нормальной карьерой и мало-мальским личным счастьем; но все его отступления возвращались к нему и карали несообразно тяжести поступка.

Постепенно он привык к тому, что давало ему это чувство, смирился с сопровождавшим его одиночеством и даже научился находить в этом холодное удовольствие. Модные нынче разговоры о духовных поисках, о необходимости определиться со своим призванием теперь безмерно смешили его. Он не просто нашел свое призвание, это оно позвало его.

Это превращение далось Леруа нелегко.

Первый год после своего возвращения с войны он боялся выходить на улицу. Опасался ходить на казни. Тяжело было слушать приговоры. Его могло скрутить судорогой и вытянуть, как на дыбе, прямо на рынке.

Потом он научился не замечать обманутых покупателей, детские ссоры, мелкие кражи, оскорбленных любовников. И, наконец-то, он смог работать по-настоящему.

Абсолютно честный податной инспектор не может сделать карьеру, но время от времени честные инспектора совершенно необходимы. Главное, чтобы они умели молчать, знали своё место. А Леруа не волновала карьера, его волновала только справедливость.

Ведь это чувство, эта жажда давно была ему знакома, она была частью его собственной натуры, только теперь стократно усилилась. Его угнетало другое: иногда он и сам не мог понять, почему должен поступить именно так, а не иначе. Тогда он чувствовал себя марионеткой, которую невидимый хозяин время от времени достает из коробки.

Например, смерть его начальника Мабелена, к которому он был приглашен на обед.

Жена ведь отравила его, он был уверен в этом. Отравила и затем унаследовала все его немалое состояние. У него было множество любовниц, но жена не любила его. Это был брак по расчету, а из брака по расчету не вырастают убийства из ревности и мести. Значит, только корысть. Что же тогда заставило его промолчать, скрыть то, что он видел? Просто ниоткуда нахлынуло нечеловеческое спокойствие и уверенность в том, что молчать – это правильно.

Только полгода спустя он случайно узнал, что все любовницы Мабелена – тоненькие хрупкие блондинки – были как две капли воды похожи на его юную дочь… Но стоит ли делать из этого какие-то выводы, он не знал до сих до пор.

Он знал, что этому чувству, буде оно появилось, не стоит противоречить. Он просто, сжав зубы, надеялся, что он ошибается, что дракон не проснется. И в который раз задал себе вопрос – он раб тайной силы, винтик в её машине, а, может, её жрец или просто попутчик…

* * *

Утром, едва только Леруа успел завершить туалет, лакей передал ему приглашение мадам Сильвии в деловой кабинет. Податной инспектор серьезно кивнул своему отражению.

Кабинет помещался в одной из массивных башен, которые придавали замку столь архаичный вид. Света из пары узких бойниц было совершенно недостаточно, однако Леруа с удивлением обнаружил, что часть крыши в башне сделана из толстого полупрозрачного стекла, и в самом кабинете был стеклянный же потолок.

Мадам Сильвия работала за маленьким секретером, чьи изогнутые ножки и филигранная отделка напоминали о времени Людовика XV. Несколько секунд она, будто не замечала посетителя, увлеченно набрасывая какой-то текст вызолоченным пером. Неровный свет сумрачного утра играл на ее глянцевито-черных, разделенных посередине пробором волосах. На секретере, почти скрываясь за бумагами, стоял сине-белый фарфоровый письменный прибор. Но мимолетное ощущение игры в работу, как на уютных картинах голландцев, исчезало при взгляде на книжные полки – они занимали все стены, и были заставлены книгами по финансам, по лесному делу, по системам каналов, по таможенным пошлинам. Были еще туго набитые папки для бумаг в таком количестве, которого не постыдилась бы приличная адвокатская контора.

Эту библиотеку нужно было собрать и обжить; даже если большая ее часть была собрана еще покойным Арно, инспектор видел, что самые востребованные книги стоят на полках на уровне невеликого роста Сильвии. У окна, с карандашом и записной книжкой в руках, замер Шарль. Он отрешенно бормотал себе что-то под нос, едва ответив на приветствие инспектора.

«Восемнадцать, девятнадцать, двадцать четыре, тринадцать…» Время от времени Шарль останавливался и делал в своей книге пометку. Сейчас он больше, чем когда бы то ни было, походил на обыкновенного дотошного бухгалтера.

Мадам Сильвия отложила перо и улыбнулась гостю.

– Чем обязан столь раннему разговору с вами, мадам? – поклонился Леруа.

– Вы отправляетесь в Париж через час? Мне сказали, что уже закладывают экипаж.

Она не предложила инспектору сесть.

– Действительно отправляюсь.

– И документы готовы? – лишь чуткое ухо могло уловить заинтересованность в её вопросе

– Я бы сказал, что они почти готовы.

– И выведена окончательная цифра налога?

– Мне необходимо уточнить некоторые детали уже в Париже, – Леруа говорил чистую правду. – Сожалею, однако все подданные Его Величества обязаны платить налоги.

– Шестнадцать тысяч, – четко и достаточно громко назвал Шарль сумму взятки.

Леруа удивленно вскинул на него глаза, но промолчал. Он и сам не знал, чему удивился больше: самому факту взятки, сумме или тому, что не почувствовал мгновенного и яростного предупреждения от Справедливости.

– Вы как никогда правы, господин Леруа, это почётная обязанность, – Сильвия движением руки предложила ему садиться.

Леруа осторожно сел, проверяя собственные ощущения. Внутренние весы, как это ни странно, молчали, и что-то подсказывало и даже подталкивало инспектора начать торг.

– Двадцать восемь, – ответил он как бы в пустоту, и тут же переменил тему – Вы знаете мадам, сейчас в столице, в министерствах всё больше используют счётные машинки. Необыкновенная экономия времени.

– Наверное, вот такие? – мадам Сильвия постучала пальцем по горизонтальному металлическому цилиндру, еле видному из-за бумаг.

– Восемнадцать, – Шарль поддержал торг.

– Он нет, мадам, – Леруа вытянул шею и сразу отрицательно покачал головой, – У вас на столе «паскалина», а вот мсье де Кольма готовится пустить в продажу куда более интересные калькуляторы. Двадцать четыре.

– И как же они попали к вам в министерство?

– Двадцать, – снова донесся голос от окна.

– Согласен, – Леруа покрепче ухватился за подлокотники, чтобы, если головокружение все-таки нахлынет, у него была опора. Но наказание все медлило, и сейчас у него не было времени этому удивляться.

– Мэтр Кольма запутался в своих финансовых обязательствах, – печально подытожил инспектор. – Потому что назвать цену это одно, а уточнить, что вы желаете получить за эти деньги – совсем другое. Не правда ли, мадам?

– Разумеется мсье инспектор, точность должна быть обоюдной.

Шарль двумя резкими, быстрыми шагами подошел к Леруа, и так вытянул руку со списком. Перечень основного имущества Сильвии, а так же те суммы, в которые его надлежало оценить. Инспектор было потянулся за бумагой, но Шарль тут же начал отстраняться.

Леруа оценил осторожность семьи д'Эвре. Два свидетеля против одного. Имеющая право подписи особа – ни слова не сказала о взятке. И уж кончено, если инспектор едет в столицу, кто даст ему самую ничтожную улику? Пришлось запомнить цифры как художнику, впечатывающему в свою память удачный пейзаж или выразительное лицо прохожего. Да и не в подробностях дело – главное выйти на конечную стоимость и процент налога.

– Что ж, это будет вполне справедливо.

– Счастливого пути, господин податной инспектор, – она взялась за очередной расчет, давая понять, что аудиенция закончена. Шарль встал за её левым плечом. Ни брат ни сестра не выдали своего довольства, однако оно явственно ощущалось в воздухе, как тонкий цветочный аромат духов Сильвии.

Леруа откланялся.

Один экипаж, второй – в этот раз Леруа мало смотрел в окно и больше чертил в блокноте свинцовым карандашом непонятные самому себе схемы. Оформление бумаг в министерстве для податного инспектора было сейчас делом второстепенным, ведь он заранее решил «не справиться».

Слуги, та крепкая и слаженная компания парижских слуг – вот что важнее. Их следовало найти быстро, за несколько часов, что для миллионного города было делом мало реальным. Даже для чиновника с репутацией Леруа и тем количеством должников и памятливых клиентов, которым он располагал. Хотя теперь у него была значительная сумма, и дело должно было идти быстрее.

* * *

Леруа не любил свой кабинет в министерстве. Маленький, полутемный, в нём даже в солнечную погоду всегда отдавало сыростью. Новое здание для финансистов только строилось, а таможенникам вообще пока приходилось работать в гостинице; потому, только прочитав циркулярную почту и отдав посыльному несколько конвертов, он пошёл на улицу Регар, в лавку торговца табакерками.

Все неофициальные встречи Леруа проводил там, в задней комнате. Жил он совсем рядом, буквально в минуте неспешного шага, но податной инспектор считал утомительным делом подниматься на четвертый этаж несколько раз в день.

Лавочник был слишком многим обязан инспектору, чтобы всерьез возражать, и к тому же извлекал косвенную прибыль из работы Леруа: постороннему человеку могло показаться, что товар здесь идет нарасхват.

Потому сын лавочника немедленно побежал за мсье Потрю, владельцем агентства для слуг. Возможно, мсье Потрю знал кого-то из совершенно другого агентства, которое и обеспечило найм слуг в замок де Бенажа.

Меньше чем через час появились первые сведения, а еще через два на конторке перед глазами Леруа лежал список адресов. Податной инспектор удивился: это были комнаты в самых бедных секциях столицы. Он даже потребовал уточнений, но посыльный от агентства, заикаясь, настаивал, что это их последние адреса, точнее, последние, о которых известно агенствам.

Сын хозяина лавки и два дальних родственника ювелира отправились по адресам на окраинах, чтобы проверить, живут ли там искомые граждане, а Леруа выбрал улицу поближе.

Отсутствие мостовой и недавние дожди сделали улицу настоящей грязевой ямой. Около самых домов шли дорожки из камней, но и сами двухэтажные строения не выглядели надежным местом для жизни. Даже будучи студентом Леруа постарался бы найти комнату в лучшем доме – пусть бы и пришлось дольше добираться, зато точно знаешь, что крыша не рухнет на голову.

По адресу его ждал гроб.

Слишком уж большим совпадением это нельзя было назвать: бывший дворецкий Бенажа умер еще вчера, и лежать ему в комнате оставалось еще сутки.

– А чего… полежит, никуда не денется, – от безногого инвалида, его соседа, несло сивухой. – Вот мы завтра соберемся, и вшестером его на кладбище и определим, а пока маловато будет, полтора человека на весь дом. И пусть дороги подсохнут.

– С чего он так внезапно умер? – Леруа не оставляли подозрения.

– Внезапно? Черта с два, две недели как мучился. Какая-то с печенью зараза, она давно у него была. Он деньги на докторишек спускал, всё вылечиться ему мечталось. Ага, вылечился, как же. Но в позапрошлый год куда-то нанялся, повезло ему.

– И куда же?

– Да черти его знают куда, говорил, аж под Нант, к нуворишу какому-то. Как его отпускали, всё по шарлатанам бегал, а ночевал здесь.

Инвалид понятия не имел, ни о каких покойных женах «Синей бороды» и, судя по всему, газет уже давно не читал. Видно, ему за глаза хватало воспоминаний – въевшиеся в кожу порошинки и медаль за Ваграм говорили о его прошлом почти всё важное.

– А как вернулся, так работы найти не смог, и тут скрутило его.

Инвалиду не хотелось клянчить у визитера деньги, но и выпивки алкал он изрядно. Леруа вытащил из кармана купюру.

– Эээ… не много будет? – тот оглянулся, и быстро спрятал пятисотку.

– Если хочешь упиться до смерти – в самый раз. А так на одежду может хватить, на еду, может, и на эту зиму дров купишь.

Инвалид только вздохнул и поёжился.

Может, и упьётся, подумалось Леруа, но это пусть сам решает. А деньги ощутимо жгли ему руки.

В лавке инспектора уже ждал один из родственников ювелира. Там всё было просто: искомый человек нанялся к какому-то голландцу и согласился ехать чуть ли не в Австралию. Еще два фигуранта были в Париже, но один ушел в запой и сейчас крушил дома мебель, а второй был на службе в каком-то особняке, где устраивали большой праздник. Пятеро его детей не надеялись увидеть отца раньше следующей недели.

Этих людей объединяла только бедность: будь они замешаны хоть в чем-то серьезном, нет, получай они хоть сколько-нибудь приличные деньги за перетаскивание трупов, то ничего похожего и близко бы не наблюдалось. Больной умер бы в палате, под присмотром, пьянчуга спустил бы деньги в приличных кабаках и теперь, протрезвев, искал бы новую работу. А плыть в Батавию – сомнительное удовольствие, слишком велик риск потом всю жизнь ждать очередного приступа малярии.

Значит, следовало идти к доверенному лицу покойного де Бенажа.

Добывать сведенья.

Доходный дом на улице Вентруа отстроили совсем недавно, и расположен он был в высшей степени удачно, всего в паре кварталов от биржи. Цены за найм квартиры были под стать высоте дома – шесть этажей, голова идет кругом, однако многие дельцы, – как известные своей надёжностью, так и скороспело разбогатевшие из молодых да ранних, почитали своим долгом жить именно здесь.

На лестничной площадке Леруа увидел двух судебных приставов, о которых его уже предупредил консьерж, а навстречу ему из квартиры выходил старый знакомый – мировой судья Карно. Он живо улыбнулся податному инспектору, будто знакомому всаднику Апокалипсиса.

Леруа не стал его разочаровывать – улыбнулся в ответ, пожал руку, однако разговор начинать не стал и как можно быстрее проскочил в квартиру с беззаботно распахнутой дверью.

На секунду Леруа замешкался: он словно попал в книжную иллюстрацию, где старательный художник воплощает свой идеал дома. Ни одно проявление индивидуальных вкусов жильца не нарушало гармонию плавных изгибов мебели, абстрактных узоров на персидских коврах, изящного сочетания кованого железа и радужного стекла в свисающей с потолка люстре. Податной инспектор усмехнулся собственной простоте: конечно же, квартира сдавалась вместе со всей обстановкой, с хрустальными вазами на столах (без цветов), и собраниями сочинений в блестящих позолотой переплетах.

– Мсье Дюпон!

– А кто там? – донесся веселый голос.

– Податной инспектор Леруа, – сообщил он в пустоту, чувствуя себя при этом немного неловко.

– Сегодня прям-таки день великосветских визитов, – одна из дверей распахнулась, и деловой партнер покойного Арно предстал во всей красе.

Именно так и выглядят банкроты из «надорвавшихся». Улыбка, насмерть прибитая к лицу, немного трясущиеся руки, винный дух и легкий беспорядок в модной одежде.

– Милости прошу, до завтрашнего дня я еще живу в этой комнате, – он сделал шаг назад и почти рухнул в кресло.

Несколько тощих узлов с пожитками были свалены горкой за восточного вида диваном.

– Представляете, у них в комплекте было несколько отличнейших чемоданов, и я спокойно брал их в деловые поездки, – весело, словно свежайший анекдот, начал рассказывать Дюпон, – Но как только ваши коллеги начали вышибать меня из квартиры, хозяева сразу заявили, что их чемоданами для переезда я воспользоваться не могу. Пришлось купить у них простыни, – Дюпон попытался пнуть ногой один из узлов, не дотянулся и снова расслабленно упал в кресло. Точным движением, не глядя, он ухватил за горлышко стоящую рядом бутылку, но та была уже пуста.

– Пока вместе с кроватями они не сдают намыленную веревку – их трудно обвинять в людоедстве.

– Вы правы, чтоб вас и, кстати, по какому вы делу? Какие подати можно платить с нуля и с величин отрицательных? Следующих кредиторов я жду только через…

– Я не кредитор, – глаза Леруа вдруг потеряли блеск, лицо заострилось и вытянулось еще больше. – У меня есть вопросы.

– Ну и что за вопросы? – в глазах Дюпона плясали чертики, и ему было все равно, с каким выражением на него смотрят другие люди.

Леруа понял, что простой беседой тут не обойдешься, требуются сильные средства убеждения. Он достал из портмоне практически всю утреннюю взятку.

– Сколько вам нужно денег, чтобы признать себя виновным в убийстве Арно де Бенажа?

Дюпон уронил бутылку и стал яростно тереть ладонями лицо. Помотал головой. Встряхнулся.

– Я невиновен, – деловой партнер покойника стремительно трезвел.

– Превосходно, – Леруа спрятал деньги обратно, – Тогда давайте подумаем, кто нанял ему таких превосходных слуг.

– Нанял и нанял. Нет в них ничего превосходного – первые имена, которое дало агентство.

– И это хорошо. Но тогда почему ваш благодетель умер при таких небезынтересных обстоятельствах?

– Откуда я знаю!!? – рявкнул Дюпон. – Вляпался, помер, и оставил меня без гроша!

– Без гроша вас оставила Сильвия де Бенаж, – Леруа был само спокойствие.

– И что!!? Прикажете ехать туда и стрелять ей в голову!!?

– Это было бы верхом неосмотрительности, – констатировал Леруа.

Дюпон окончательно протрезвел.

– Вы кто такой?

– Податной инспектор Патрик Леруа, завершаю дело о передаче наследства.

– Что вам от меня надо?

– Подробностей.

– ?

– Мсье Дюпон. Я проверил расходы покойника в последние два года перед его смертью. Арно тратил большие деньги на глупости, но я знаю, что это за глупости, весь этот китайский фарфор, позолота для карет, дорогие лошади, портрет работы Делакруа, статуи работы Гудона и тому подобное.

Мною было учтено всё. И я не обнаружил трат на подготовку убийства, так же, как и выплат за сообщничество, а без них было не обойтись, если бы Бенаж в самом деле совершил все, что ему приписывают. Возникшие у меня подозрения…

– Сколько вы дадите? – перебил его Дюпон.

Леруа был чрезвычайно удивлен – Дюпон не казался ему человеком, способным оговорить себя, пусть даже и за деньги.

– Да успокойтесь, я не собираюсь признаваться, – отмахнулся банкрот, – Сколько вы дадите за полезную вам информацию.

– Тут есть своего рода дилемма, – покачал головой Леруа, – Пока я не узнаю, насколько полезна для меня эта информация, как я могу давать вам деньги? На какую сумму у вас ближайших долгов?

– До конца недели мне надо внести одиннадцать, – глаза банкрота загорелись надеждой.

– Это возможно, – кивнул Леруа.

– Информация о наследнице вас устроит? – Дюпон потянулся было за следующей бутылкой, но собрался, приказал себе не пить.

– О Сильвии де Бенаж?

– Нет. В тот-то и дело, что не о драгоценной Сильвии, – со вкусом произнес Дюпон.

– Здесь и сейчас? А доказательства? – быстро отреагировал Леруа.

– Информация прямо сейчас. Доказательства родства – дело другое.

Податной инспектор решил, что если его и обманет этот молодой нахал, то деньги все равно достались ему легко… Он молча кивнул.

– Уже где-то за полгода до смерти Арно решил, что ребенка от Сильвии он не дождется, и надумал представить свету свою дочку от покойной к тому времени балерины, малютку Шанталь. Но – осторожно. Понимаете, с таким количеством покойных жен, заявлять еще и о мертвой любовнице – моветон. Потому Арно думал переписать дочь на одну из них официальных супружниц. Так и не решил, на какую.

Дюпон оживился, потер руки. Что до Леруа, то он совершенно не удивился еще одному трупу в этой истории.

– Я занимался оформлением документов; не всех, но львиной доли. В итоге, Арно решил, что жены все-таки не подходят, Шанталь слишком хорошо помнит мать. Все было переделано, устроено как нельзя лучше…

– И вы не дали этой истории ход? – напоказ удивился инспектор.

– Если документов нет на руках, то их нет в природе. Старуха заявила мне, что и все сожжет или уже сожгла. Идиотка…

– Почему их нет здесь? – Леруа пока не стал уточнять, что за старуха.

– Потому что идиотка!!! Арно их отнёс – показывать, успокаивать, что не собирается оставлять Шанталь. Заверить, что всё будет нормально. И забыл, а потом записка прилипла к пресс-папье, и я не прочитал её, – сбивчиво объяснял Дюпон, тема была слишком близкой ему и даже более болезненной, чем нынешнее банкротство; либо в сознании Дюпона одно было прочно связано с другим.

– А копии экземпляров у нотариуса? – невозмутимо спросил Леруа.

– У какого? В Париже их многовато, чтобы хватать каждого за глотку… К тому же это не завещание, мсье Леруа, не завещание. Если вы задумали побольше отщипнуть от состояния покойника, то это не слишком подходящий предлог, зубкам не хватит остроты… Это были всего лишь документы о признании отцовства.

– Адрес? – Леруа поднялся из кресла и выложил купюры на ближайший столик, – И, пожалуйста, без ошибок…

Человек с отсроченным банкротством быстро продиктовал название улицы и номер дома.

* * *

Леруа опасался, что не сможет найти мадам Бонне с «опекаемым ребенком» по адресу, который дал ему Дюпон, но ему вдвойне повезло. Во-первых, он легко нашел дом по описанию. Изящный, с двумя «колоннами» эркеров, двухэтажный, совершенно не похожий на те развалины, в которых упокоился дворецкий. Во-вторых, когда он поднимался по лестнице, узкая, неприветливого вида дверь открылась, и из нее вышла сухощавая пожилая дама с корзинкой для покупок.

Увидев Леруа, она замерла на верхней ступеньке, разглядывая его глубоко посаженными серыми глазами. На ее морщинистом, с темной кожей лице ничего невозможно было прочи-

тать, только губы были поджаты в неизменной, как позже убедился инспектор, гримасе недовольства.

– Вы кто такой!? – чрезвычайно громко спросила она. – Что вам здесь нужно!?

Леруа отчетливо назвал свое имя и должность. Губы старухи скривились еще больше.

– Я прекрасно слышу, – отрезала она. – Так что вам понадобилось!? Инспектировать здесь нечего!

– Я, собственно, по вопросам имущества Шанталь Бонне, – осторожно начал Леруа. Отвечая старухе, он чувствовал, как превращается в туго натянутую струну, на которую может повлиять любое слово, цвет, звук. Так обычно бывало с ним, когда он приближался к воплощенной в человеке сути событий, к источнику той жажды справедливости, что призвала его действовать на этот раз.

Он едва успел заметить, как в ответ на его слова лицо старухи будто окаменело.

– Заходите, – пригласила она его, резко развернувшись. – Не будем на лестнице разговаривать.

Леруа вошел и с любопытством огляделся. Неожиданное для ноября солнце заливало просторную комнату радостным светом; а через несколько мгновений становилось ясно, что эту комнату скорее можно назвать пустой, чем просторной. Голые, ничем не украшенные стены, холодные, без ковров полы. Комнату украшала только яростная чистота. Мадам Бонне еще жила в респектабельном районе, но уже вряд ли приглашала к себе гостей.

– Кофе!? – спросила, словно каркнула, мадам Бонне. Ей явно не понравилось любопытство, с которым Леруа оглядывался по сторонам.

– Не откажусь, – невозмутимо согласился Леруа.

К массивному, добротного дерева столу, рассчитанному на десять человек, было приставлено всего два легких, не подходивших по стилю стула. Тот, на который сел Леруа, опасно поскрипывал.

К кофе не было никакого угощения, но сам кофе вышел отменным – густым, черным, крепким, наполнившим ароматом всю комнату и тем самым отчасти вернувшим ей былой уют. Но Леруа уже едва скрывал свое нетерпение.

– Я знаю, что вы состоите опекуншей ребенка семи лет Шанталь Бонне, – сухим скрипучим голосом начал он.

– Опекуншей? – хмыкнула старуха. – Я состою ее бабушкой, и это мой крест на весь остаток жизни. Сперва дочка, теперь внучка.

– Совершенно верно, – охотно согласился Леруа. – Суть в том, что, как я узнал от господина Дюпона, опекаемый вами ребенок имеет законные права на часть весьма существенного наследства; поэтому я прибыл к Вам, чтобы разобраться…

Чем больше Леруа говорил, тем сильнее в глазах старухи разгорался гнев, но она дала ему закончить.

– А, так вы прибыли по поручению господина Дюпона? – почти любезно осведомилась она. – Передайте ему, что он в прошлый свой визит полностью убедил меня забыть об этом наследстве и о «крайне сомнительных» правах, – старуха словно выплюнула эти два слова.

«Значит, Дюпон сперва старался выслужиться перед новой хозяйкой и припугнул старуху, – мысленно заключил Леруа. – Надеюсь, не настолько, чтобы она уничтожила документы, в его интересах было не перестараться и сохранить этот козырь…» Словно прочитав его мысли, старуха более сдержанно добавила:

– Пожалуй, лучше всего уничтожить эти документы при вас и прекратить такие визиты.

– Уничтожать – не нужно. Дайте мне на них взглянуть, – мирно попросил Леруа. Старуха снова заколебалась. Было заметно, как сильно ей хочется приказать непрошеному гостю убираться прочь, но она прожила слишком долгую жизнь, чтобы поддаваться первым порывам гнева, каким бы праведным он не был.

– Сейчас принесу, – наконец прошелестела она и быстро вернулась с дешевой жестяной шкатулкой в руках, покрытой яркой росписью. Мадам Бонне поставила шкатулку перед Леруа.

– Все здесь, – сухо сообщила она и снова неподвижно замерла напротив него.

Леруа погрузился в изучение. Вскоре он убедился, что документы обладали несомненной подлинностью; он даже без труда, едва подпись де Бенажа оказалась перед его глазами, вспомнил, как Арно отрабатывал ее на скучных лекциях. Да, это была именно она, до последней вычурной завитушки.

На отдельном листке был записан адрес нотариуса.

– Поскольку Арно де Бенажу уже исполнилось пятьдесят, когда он официально признал свою незаконную дочь Шанталь, она имеет право не на одну пятую наследства, а на всё – целиком и полностью, – наконец заключил он. Старуха тревожно сжалась от его слов.

– Да, обладает, обладает, а что его воля, когда он уже покойник. Я это понимаю и против воли живых никогда не пойду, – торопливо заверила она его. – Я же говорю, можете их сжечь.

– Это было бы верхом глупости, – веско заявил Леруа. – О факте наличия этих бумаг сейчас знают только три взрослых человека. К счастью, нынешние владельцы замка не входят в их число. Безусловно, эта ситуация может измениться в худшую строну. Однако вы должны понять, что если вы избавитесь от документов, даже если прилюдно сожжете их в камине замка Моро, то нисколько не обезопасите этим свою внучку.

Она смотрела, не понимая.

– Вам просто не поверят, – вздохнул Леруа. – Не поверят, что нигде не существует второй или даже третьей должным образом заверенной копии. С документами они никогда не смогут избавиться от сомнений. Намного надежней избавиться от претендента на наследство; и поэтому вы должны как можно тщательней хранить бумаги, – укладывая документы обратно в шкатулку и протягивая ее старухе, заявил Леруа.

Старуха только недоверчиво покачала головой, поджав губы еще больше; она даже не прикоснулась к шкатулке.

– Это как в шахматах – есть пешка, и есть ферзь, – продолжал объяснять Леруа. – Можно сразу взять ферзя, но почти наверняка подставиться под удар пешки. Потому что если ваша внучка умрет, документы попадут в уголовный сыск, в газеты, куда угодно.

– И если бы я действительно представлял нынешних владельцев замка, то непременно бы согласился уничтожить бумаги, – добавил он. – Хотя бы для того, чтобы посмотреть на ваши дальнейшие действия.

– А если вы не по её поручению, то с чего сюда пришли? С чего бы это министерству было дело до того, кто наследник? Ему лишь бы налоги платили, разве не так? – выпалила старуха.

– Но это несправедливо, – спокойно возразил ей Леруа.

– Ну и…? – начала было мадам Бонне, но тут же осеклась, – Шанталь! Иди спать! – строго прикрикнула она.

В дверном проеме, вертя в руках куклу, стояла сероглазая девочка лет шести, одетая очень тепло. При одном взгляде на нее у Леруа в голове вразнобой зазвонили колокола. Он наконец понял, для кого он должен восстановить справедливость, и это знание принесло ему спокойствие. Леруа даже не сразу сообразил, что мелодия, которую он слышит, – незатейливый нежный мотив – издает кукла в руках девочки, а не звучит просто в его голове.

Фигурка в пышном платье с поднятыми вверх ручками медленно покачивалась из стороны в сторону в такт негромкой музыке к вящему удовольствию своей хозяйки. Шанталь, услышав приказ мадам Бонне, только помотала головой и подошла ее ближе, с любопытством рассматривая Леруа. Тот молчал, ему очень редко приходилось иметь дело с детьми.

– Какая у тебя красивая кукла, – наконец заметил он. – Можно взглянуть?

Девочка, поколебавшись, протянула ему куклу, не сводя пристального взгляда с Леруа.

Блестящие, медового оттенка волосы куклы были настоящими, заплетенными в косы и уложенными в сложную прическу; улыбающееся фарфоровое личико было искусно раскрашено. Еще Леруа заметил, что с платья тяжелого бордового атласа были аккуратно спороты все кружева и усеивающие прежде ткань жемчужины, а вместо них старательно пришиты простые цветные ленточки и яркие дешевые бусы.

– Это очень дорогая кукла, – заметил Леруа.

Неожиданно на лице мадам Бонне появилось что-то вроде улыбки, и она ответила:

– Это ее любимая кукла.

– Это подарок, – одновременно с ней серьезно сказала Шанталь, и, смутившись под взглядом бабушки, поспешно скрылась.

Мадам Бонне вздохнула.

– Дочка моя всегда была дурочкой, – неожиданно сказала она. – Но Шанталь на нее уже сейчас не похожа.

– Только толку с того? – словно спохватившись, добавила она, снова погружаясь в свой пессимизм. – Марта жила бестолково и умерла бестолково, попала под дилижанс; хорошо только, что я на нее никогда не полагалась и работы не бросила, когда она уговаривала… Ну а нам пока камин топить нечем.

Леруа уже встал. Словно вспомнив что-то, он достал и выложил на стол четыре банковских билета по тысяче франков.

Мадам Бонне непонимающе смотрела на деньги.

– Этого должно хватить, пока я не доведу дело о передаче наследства до конца, – сообщил Леруа, словно не замечая её испуг. – Только не меняйте свой адрес, чтобы я мог вас найти.

Глава 4. Размен вслепую

По форме второй приезд не слишком отличался от первого, бесконечно расходясь с ним по сути. Если в первый приезд Леруа был четко уверен в своих несложных обязанностях, а семья д'Эвре пребывала в некотором волнении, ещё не зная, встреча с каким диковинным чудищем им предстоит; то теперь хозяева замка были убеждены, что знают все намерения инспектора, продиктованные низменной корыстью, а Леруа, возвращаясь, чувствовал себя так, слово из наземного мира погружается в подводный, заполненный сумеречным светом, с обитателями, чьи образы и мысли разительно отличается от обитателей солнечного мира.

И еще поменялось ощущение времени – его вдруг стало нехватать, как на бегу не хватает воздуха. Причем всём. Не успел метр Дюпон дать ему адрес, как в дверь постучали и очень юный – пусть и хорошо одетый – поручитель ростовщика, некто Гимар, с порога заявил, что требует закрыть вексель на три тысячи франков. Казалось, что он учуял деньги, как волки чуят свежую падаль.

Леруа не придал большого значения тому, что на этот раз карета приехала спустя два часа, а не немедленно, тем более что он скоротал это время в интереснейшем разговоре с хозяином гостиницы; или что ручку его дорожного сундучка подхватили в последний момент, сперва позволив ему думать, что он будет взбираться по широкой мраморной лестнице, обремененный всеми своими пожитками, под насмешливыми взглядами братьев и сестры.

Но нет – насмешку не довели до крайности, и, пожалуй, такой тонкости он был обязан именно мадам Сильвии. Даже Шарль не позволил себе ничего, кроме слегка окрашенной ехидством реплики «Я вижу, вы оценили наше гостеприимство?», на что Леруа своим сухим голосом ответил «И очень высоко».

Зато, под вечер оказавшись в своей комнате, он в полной мере оценил и прочувствовал смысл выражения «холодный прием». Комната постепенно остывала – не протопили одну из печей двумя этажами ниже, и каменная кладка, вместо того, чтобы согревать, высасывала тепло из пальцев.

Ночью Леруа смог заснуть, только одев еще две рубашки; поверх одеяла он уложил свой дорожный костюм и, забравшись в постель, сжался в попытке сохранить тепло. Утром он увидел другие перемены в отношении к нему хозяев замка – вместо приглашения на завтрак он получил сам завтрак в свою остывшую, как ледник, комнату. Правда, кофе, благодарение Богу, был горячим.

Принесла завтрак Николь; по-видимому, только она одна искренне радовалась возвращению Леруа, о чем и поспешила рассказать.

– Ой, как же вам здесь не рады! – весело заявила она.

– И ты, Николь? – полюбопытствовал Леруа.

– Да вы что, я то как раз да, я рада, и очень, но я вот слышала, как мсье Жан обещал вам руки с ногами местами поменять, чтобы вы быстрее отсюда укатились, – хихикнула Николь, видимо, представив себе эту занятную картину.

– И что же ему мсье Шарль ответил?

– Сказал, что лучше бы Жан пригласил вас на охоту, но вы, «к сожалениююю», – передразнила Николь тягучие аристократические интонации, – уже отказались.

– Да, действительно, – пробормотал Леруа. – Гмм… Николь…

Он снова вспомнил о своем письме Надалю, но, поколебавшись, решил ничего не говорить девочке, пока он не получил определенного ответа. Впрочем, у него уже начал складываться план, как действовать в случае отказа; потому что Леруа с нарастающей тревогой чувствовал, что Николь, с ее искренностью и простодушной болтливостью, не должна находиться в замке, это место подходит ей даже меньше, чем она ему.

– Да? – поторопила его Николь, увидев, как глубоко Леруа погрузился в размышления, или «остекленел», как она выразилась.

– Тебе следует поменьше говорить о том, что ты слышишь, – наконец решился Леруа.

– Но вам-то можно, правда? – беззаботно отмахнулась она. – Ой, чуть не забыла сказать! Мадам ждет вас после завтрака в своем кабинете и просит не задерживаться.

– Не волнуйся, я не заставлю ее ждать, – заверил Николь Леруа.

– Ну и хорошо, – хмыкнула Николь. – Тогда я пойду? – добавила она и не обманулась в своих ожиданиях, получив очередные десять франков.

– Как я рада, что вы вернулись! – уже за порогом искренне сообщила она. – Я так скоро новое платье куплю!

* * *

Леруа поспешил разделаться с завтраком и отправился на встречу к вдове. Тусклое предзимнее солнце даже утром не давало достаточно света, и сегодня в кабинете мадам горело несколько свечей в канделябрах, и царил приятный аромат пчелиного воска. Переменчивый теплый свет ложился на неизменный ворох бумаг на столе, на тонкие пальцы с розовыми ноготками, мягко обрисовывал лицо в тяжелой раме черных волос. Сильвия улыбнулась ему.

– Доброе утро, мсье Леруа.

– Доброе утро, – сдержанно поклонился инспектор.

– Прошу вас, садитесь.

Она несколько театрально вздохнула.

– Я думаю, что мне нужно было лично заняться этим с самого начала, не передоверяя Жанно. Всегда ведь лучше делать свои ошибки, чем расплачиваться за чужие недостатки, верно? – мадам Бенаж приподняла брови.

– Полностью с вами согласен, – подтвердил Леруа, устраиваясь в кресле.

– Давайте начнем с самых серьезных оплошностей…

Намеки, угрозы, шутки, одинаково легко срывающиеся с ее губ и легко тающие в теплом воздухе. Изящно выстроенные попытки мадам Бенаж выяснить его намерения разбивались о самую искреннюю готовность Леруа проделать всю работу заново, исправить все допущенные ранее недочеты. Да, из министерства, опередив возвращавшегося инспектора буквально на пару часов, пришло официальное письмо, с требованием «уточнений». Да, это письмо не могло быть направлено без участия Леруа. Ну и что? Он ведь просто желает лучше сделать свою работу. Это напускное простодушие раздражало вдову все больше и больше, движения рук перестали быть такими плавными, в голосе вместо меда зазвучал хрусталь.

Но она искусно сдерживаясь, не позволяя улыбке покинуть лицо.

А Леруа, наблюдая за этими переменами, внутренне забавлялся, снова вспоминая роскошные многоцветные иллюстрации в сборнике сказок. Художник был неправ, изображая мачеху как уродливую черноволосую ведьму.

Ведь настоящая мачеха, – думал Леруа, – та, что сумела женить на себе безутешного богатого вдовца, наверняка была очаровательна, и умела гневаться так, чтобы это не наносило ни малейшего ущерба ее красоте.

Да, разговор с мадам Бенаж и в самом деле доставил Леруа удовольствие, но от разговора с ее братом он ничего подобного не ожидал, и не обманулся. Это ожидание изрядно испортило ему день, ведь Шарль нашел его только вечером в библиотеке. Леруа как раз раскрыл книгу, помеченную экслибрисом Арно.

– У вас хорошая библиотека, – поприветствовал его Леруа.

– Надеетесь, что она станет вашей? – с особой четкостью выговаривая каждое слово, спросил Шарль д'Эвре.

– Не трудитесь изображать удивление, прошу, – фыркнул он и сел в кресло, вынуждая Леруа последовать его примеру.

– Вы сами сегодня дали понять, что вам нужно нечто большее, чем деньги, – сообщил он, и все же был удивлен, когда Леруа невозмутимо кивнул в ответ.

– Вы, безусловно, правы, – согласился инспектор и захлопнул книгу.

Шарль несколько принужденно улыбнулся.

– Даже не знаю, чем больше восхищаться – вашей смелостью или вашей неосмотрительностью, – добавил Шарль и замолчал, видимо, ожидая расспросов от собеседника, но так и не дождался и поэтому был вынужден продолжить сам.

– Я не знаю, как вам пришла в голову мысль, что вы можете получить от нас больше, чем уже получили. Но я вижу, что вы уже проделали серьезную работу в этом направлении.

Леруа не спешил отрицать своих заслуг, и кулаки д'Эвре на мгновение сжались.

– Я понимаю: в армии вас обошли и с деньгами, и с титулом, карьера в министерстве тоже не сложилась, и вы решили, что разбогатеть никогда не поздно, – любезным тоном рассуждал д'Эвре дальше.

– Но неужели вы могли хоть минуту всерьез думать, что министр финансов Лекуэн, который переживал все ужасы эмиграции, посмотрит сквозь пальцы на то, что участник наполеоновских кампаний, какой-то мсье, вымогает взятку у потомственных дворян?

Несмотря на риторический тон задаваемых вопросов, д'Эвре, казалось, всерьез ждал от Леруа ответа, но тот снова промолчал, рассматривая переплет.

– Когда неудачник отчаянно пытается вырваться из своего круга, на это забавно смотреть – но недолго, – усмехнулся д'Эвре. – Зрелище затягивается, и вы становитесь утомительным. Вы беспокоите мою сестру.

– Я мог бы уже сейчас сообщить министру о том, что вы специально затягиваете дело. После этого… мне будут интересны три вещи: успеете ли вы собрать вещи, прежде чем вас уволят, как быстро сопьетесь, и что с вами сделают журналисты. Но пока я не хочу этого делать.

– Потому что тогда неизбежно всплывет дело Синей бороды, и имя мадам Бенаж снова появиться в газетах рядом с моим, – услужливо добавил Леруа.

– Для парижских домохозяек она опять станет «бедной, несчастной женщиной», – уточнил он.

У д'Эвре дернулась щека, но он сдержался.

– Именно так. Поэтому я предлагаю вам то, чего вы совершенно не заслуживаете.

– И что же это? – скучающе спросил Леруа.

– Вы добросовестно и точно заканчиваете свою работу как можно быстрее, приносите извинения и убираетесь прочь со всеми необходимыми документами. И больше не возвращаетесь – никогда.

Леруа открыл рот, собираясь что-то сказать, но д'Эвре снова его перебил.

– Полученную от нас сумму, так и быть, можете оставить себе, – брезгливо сообщил он.

– А вы что-то хотели сказать?

Леруа кашлянул, пожевал губами, вздохнул…

– Я согласен со всеми вашими предложениями, – полушепотом, словно у него внезапно сел голос, сказал инспектор.

Услышав это, д'Эвре встал и, не прощаясь, вышел из библиотеки.

Глядя ему в спину, Леруа размышлял о том, действительно ли он разглядел хорошо скрытый за презрением страх, или ему показалось.

Тем не менее, Леруа прекрасно понимал, что угрозы Шарля были реальны и очень весомы, а, следовательно, господину инспектору нужно было поторопиться.

* * *

Когда Леруа проснулся, ночь еще не вполне уступила свое место утру. Дождь, который вечером безуспешно пытался убаюкать Леруа, за ночь набрался сил и превратился в сильнейшую грозу, которая беспрестанно хлестала в окна водой и ветром.

Такая погода весьма располагает к тому, открыв глаза и вглядевшись в мрак за окном, снова закрыть их как минимум на полчаса, но раздумья Леруа, вернувшись, навалились на него куда тяжелей, чем пуховое одеяло, и быстро прогнали сон.

Через несколько минут, инспектор, сидя за столом, снова мысленно подбирал аргументы для своей встречи с Гийомом. Что-то подсказывало, что убедить Гийома в виновности хозяев замка – не главное, главное – убедить его действовать. Захочет ли он пойти на такой риск, если справедливость для него, как и для большинства людей, остается абстрактным понятием? Глядя на погоду за окном, он понял, что о пешей прогулке не может быть и речи. Придется брать карету в замке, платить кучеру…

Леруа взялся за свою рутинную работу, он искал и исправлял в документах тщательно продуманные им самим ошибки. Привычное занятие успокоило его куда больше, чем он мог на это рассчитывать, и только чувство голода вернуло его к действительности; Леруа взглянул на часы и понял, что Николь давно должна была принести завтрак. «Опять намекают, что мне здесь не рады?» – предположил Леруа; правда, это плохо вязалось с вернувшимся в комнату теплом, зато хорошо согласовывалось с непоследовательной женской мстительностью. «Придется спуститься на кухню, надеюсь, они не откажутся продать мне хлеб, сыр и яблоки» – пожал Леруа плечами.

Где кухня, он уже приблизительно знал, и отправился туда за провизией.

В коридорах было сумрачно, неуютно и очень сыро, по ним, как целая стая привидений, веял ледяной сквозняк, и Леруа заторопился еще больше.

Он спускался вниз по длинной витой лестнице, и звук его шагов разносился вперед и вниз гулким, как в колодце, эхом. Он остановился только один раз: когда в стенах он заметил глубокие острые зарубки. Леруа медленно провел по ним пальцем: их глубина ясно говорила, что в тот вечер Арно был в дикой, слепой ярости.

Из оцепенения Леруа вывела барабанная дробь, которую выбили капли дождя по полу где-то недалеко внизу. Дождь и ветер были слышны даже слишком отчетливо, и Леруа понял, что пролетом ниже гроза ухитрилась разбить окно.

Женский крик – заполошный, отчаянный.

Леруа перепрыгивая через три ступеньки, миновал поворот, и увидел, что окно действительно разбилось, и несколько оставшихся в переплете осколков ощерились, как зубы. А внизу, под окном в нелепой позе скорчилась Николь. Стеклянные осколки поблескивали на полу, на ее волосах, руках, на покрытом темными пятнами платье. Свободно хлещущий внутрь дождь разбавлял цвет крови на полу. Обширная лужа уже осторожно подступала к первой ступеньке. Рядом с ней валялся поднос с разбитой посудой, и жутковатой пародией на происходящее из длинного серебряного носика кофейника падали густые темные капли.

Какая-то из поварих, пожилая, неопрятная женщина, продолжала кричать. Но Леруа слышал её всё хуже.

Он видел, что большинство осколков только разрезали одежду и слегка оцарапали руки, но один, по какой-то несчастливой невероятной случайности вонзился в шею Николь и моментально, как скальпелем, рассек сосуд.

Ладони чистые – значит, она не пыталась зажать рану и мгновенно потеряла сознание, – заключил Леруа. Он никак не мог набраться решимости подойти к телу. Он видел много крови, но здесь, в мирное время, так нелепо и внезапно… раскат грома на мгновение оглушил его, но привел в чувство. Он заметил, что рядом с телом на стене есть несколько тоненьких потеков – там, куда ударила струя из рассеченной артерии.

Он все-таки сошел со ступеньки и склонился над Николь, повернув ей голову вправо. Осколок легко выскользнул из раны, упав на слипшиеся, потемневшие от крови волосы. Леруа вгляделся в раневую поверхность и вздрогнул. Осторожно он приподнял руку Николь с глубоким порезом на предплечье, затем осмотрел остальные раны. Все они были приблизительно одной длины и глубины. Леруа разогнулся и бессмысленно уставился на испачканную кровью стену.

Леруа видел, как перерезают людям глотку, он сам держал в руках нож и знал, что кровь, освобождаясь из своего хрупкого хранилища, под давлением отчаянно работающего сердца бьет фонтаном, забрызгивая все вокруг. Стена должна была быть просто залита кровью. Если только она не осталась на убийце, который напал сзади, полоснул по горлу ножом, а потом втиснул осколок в рану. От этого в ней и остался двойной след.

– Это что, он убил!!? – окрик над ухом.

Инспектор оглянулся. Слуги толпились на лестнице, и жались к стенам, кричал Жан.

Толстая повариха, не в силах сказать хоть что-то отчётливое, только замотала головой – «нет».

– Это не похоже на убийство, – снизу, со стороны кухни уже подошел Шарль, – Смотрите – стекла, окно. Бедняжке просто не повезло.

Слуги согласно закивали. Жан отступил на полшага.

Леруа ощутил, что будто гигантский бритвенно-острый маятник качается в коридорах замка. Это неощутимое присутствие грядущей справедливости уже случалось с ним несколько раз. Но сейчас совершенно не хотелось разбираться в своих ощущениях.

Леруа медленно снова нагнулся над Николь и осторожно закрыл ей глаза. Неслышно, одними губами, произнёс.

– Я знаю, кто тебя убил, девочка, – тихо сказал он. – Наказание будет справедливым.

Но Николь уже не было ровно никакого дела до справедливости.

– Надо позвать полицию, – только и сказал он.

– О, не выйдет, – в голосе Шарля ощущалось даже какое-то разочарование, – Старина Гийом сегодня в отъезде.

Леруа смотрел на его одежду, на руки – на них не было ни следа крови, да он и не успел бы сменить одежду… так же, как и Жан, который сейчас с жадным любопытством рассматривал тело.

Леруа понял, что напрасно он все время на роль главного игрока примерял Шарля. В самом деле – кто мог знать замок лучше Сильвии – он мог понять еще из рассказов Герье… понять, чем на самом деле могла быть тайная комната…

Только теперь все сошлось, и теперь надо было разбираться, что ее выигрыш значит для Леруа.

Из всех похорон, что видел Леруа в мирное время – это были самые быстрые.

Шарль сказал две или три фразы о «прискорбном случае», приказал слугам не плести сплетен, не болтать лишнего. В ответ – лишь молчаливые кивки.

Тело унесли, слуги начали расходиться.

– Да, инспектор, похороны будут сегодня в полдень, вы можете прийти.

Леруа ничего не ответил.

Меньше чем через два часа началась церемония. Шел мелкий, моросящий дождь. Пара садовников или лакеев – Леруа не знал их в лицо – спешно докапывали могилу. Не больше дюжины человек жались к ближайшим деревьям.

– Мадам Сильвия пришла с ней проститься… – вздыхала какая-то старушка, судя по запаху пряностей, работавшая на кухне. – Вспомнила Кодетту, её покойную матушку.

Остальные собравшиеся не поддержали разговора. Заколоченный гроб стоял в двух шагах, и как-то не хотелось умиляться состраданию мадам де Бенаж. Шарль – он единствен-

ный из хозяев присутствовал на похоронах – был в мыслях где-то далеко. Отчим, пришедший с маслобойки уже к отпеванию, растеряно молчал, а обе сестры плакали. От полиции был тот самый впечатлительный юноша-новичок, которого Гийом тогда напоил и отправил спать – парнишка так старался выглядеть серьезным и значительным, что ничего не слышал. Даже падре Себастьян сосредоточенно листал молитвенник и явно не хотел поддерживать разговор. И старушка продолжила рассказывать, уже сама себе, как хозяйка замка приказала обрядить Николь в одно из своих платьев – малышка так любила наряжаться, так пусть хоть так исполнится её мечта. Жаль, после отпевания, их всех услали готовить, и как хорошо было бы…

– Готово, ваша милость… – крикнул из ямы садовник. Второй «могильщик» как раз помогал ему подняться наверх.

– Взяли, осторожно… Да, вот так… – вот уже веревки выскользнули из-под гроба и осталось только забросать его землей.

Падре прочёл очень короткую молитву. Отчим растерянно кивнул – и заработали лопаты.

Шарль ушел почти сразу. Начали расходиться слуги. Священник увёл отчима —сочувственно говорил о божьем милосердии, о рае, и о том, что надо жить дальше.

Леруа был не тем гостем, которого могут пригласить на поминки, пусть даже и самые скромные – и так получилось, что он остался у могилы последним.

В сгущавшихся сумерках он смотрел на могильный холм и никак не мог понять – что еще было неправильным в этой смерти?

* * *

Было самое начало ночи: добропорядочные обыватели легли спать, чтобы завтра увеличить своё благосостояние, а разбойники еще не потеряли надежду подловить кого-нибудь простака.

Податной инспектор и полицейский мало походили как на тех, так и на других. Да и сидели они не в каком-нибудь трактире, а в участке.

– …но я же видел, лицо у неё чистым было, не изрезанным. Зачем гроб закрытый, зачем такая спешка? Могли бы вас подождать.

– Могли бы, – полицейский имел все основания для недовольства. Тело предали земле раньше, чем он успел вернуться и попрощаться с родственницей – её покойный отец приходился ему двоюродным братом, – а также провести хотя бы формальное следствие.

– А еще эта история с потайной комнатой, – оживленно заговорил Леруа. – Я ведь еще тогда, из разговора с Герье, мог бы понять, в чем дело. Естественно, ее заложили!

– Ты это о чем? – недовольно нахмурился полицейский.

– Тайная комната… кто должен был о ней знать – нувориш, который отхватил себе замок, или семья, которая жила в нём десять поколений?

– Ну, если так спрашивать… А почему Бенаж не мог заказать постройку этой комнаты? Как раз чтобы не отставать от аристократов? – задал логичный вопрос полицейский.

– Поэтому её и замуровали – чтобы не было так заметно, что это не новодел, а секрет одного возраста с замком! – заявил Леруа. – Предположим, что с фермы в замок был тайный ход, о котором Бенажу никто не спешил рассказывать. Это только предположение, да, – согласился Леруа в ответ на невысказанные соображения полицейского, – но оно очень хорошо согласуется со всей остальной историей. Детки повадились навещать отчий дом, убивать и сводить с ума тех, кто поселился там, не имея на то никакого права… Я думаю, это они довели его вторую жену до самоубийства, сводили ее с ума «голосами»…

– Но почему тогда Бенаж оставался жив-здоров? До определенного времени… – хмыкнул Гийом. – Неувязочка…

– А вот его убивать было бы крайне непрактично. Убив его, они не вернули бы замок, в нем бы просто сменился хозяин. Сначала нужно было, чтобы Сильвия вышла за него замуж – вот они и избавлялись от конкуренток….

– И вы думаете, Сильвия передавила их всех? – по интонациям полицейского было не разобрать, всерьез он спрашивает или с иронией.

– При помощи братьев, я думаю. Потом все-таки добилась своего, вышла за Арно и стала готовить декорации для маленького домашнего спектакля, И ведь тела мало было выкрасть из склепа и обработать, их надо было хранить, проверять, ухаживать за ними… Я не знаю, для чего сначала предназначались эти статуи, но для их замысла подошли просто идеально… – Леруа говорил словно бы даже с восхищением.

– И почему ты думаешь, что именно она все это затеяла?

– Жан это самостоятельно проделать бы не смог – он бы с первого раза попался на какой-нибудь глупости. Второй брат, наш благоразумный негоциант, слишком рационален для таких фокусов. Он бы без затей сыпанул Арно в суп побольше мышьяку. Нет, это придумал человек, который получал от сложности этой многоходовки самое искреннее удовольствие… А Сильвия всегда любила играть в шахматы.

– Думаете, это было представление, всё было разыграно? Я помню Сильвию храброй девчонкой, но такой риск…

– Надо различать декорации для спектакля и само действо, – терпеливо продолжал объяснять инспектор, – Редко всё получается, как задумывают, а импровизации на сцене почти всегда от проблем с суфлёром. Думаю, Арно нашел головы раньше, чем хотела Сильвия. Это ведь он застал её в комнате, когда она навещала своих кукол… Если бы ему хватило собранности и хладнокровия – он бы попросту задушил её, а потом пристрелил бы братцев. Да если бы ей чуть меньше повезло, и он просто был бы сейчас жив – мы бы наблюдали громкий процесс, с вонью на всю страну. Но Арно сообразил, кто свёл в могилу его женщин, от ярости схватил первое, что попалось под руку, и погнался за Сильвией…

Теперь полицейский слушал его очень внимательно.

– Если бы мадам де Бенаж остановилась на муже, всё это были бы пустые рассуждения в память о покойном друге. Интрига герметична. Но тут мы возвращаемся к закрытому гробу. Несколько лет губить всех своих соперниц, потом обрабатывать их тела, хранить, как залог своего будущего триумфа… Сильвия давно стала охотницей на людей, и решила, что коллекцию надо не только оберегать, но и пополнять. Ну чем ей могла помешать Николь? Разбила любимую вазу? Вытащила из шкатулки ожерелье с брильянтами? Что такого должна сделать служаночка, чтобы бить её ножом? А у Шарля и у Жана была чистая одежда и руки – они прибежали буквально через минуту. И угол удара говорит о том, что его нанес человек еще ниже ростом, чем Николь… а много таких в замке найдется?

Гийом всё больше мрачнел.

– И даже если с телами это чистой воды предположение, есть по крайней мере еще один человек, которого наша обожаемая Сильвия попытается убить. Наверняка. Это дочка Арно.

– У него всё-таки остались дети?

– Я сам видел его дочку. Сходство лица есть, документы имеются. Сильвия просто ничего не знает о ней, иначе бы та не протянула столько месяцев. Или вы представляете её в роли заботливой мачехи?

– Она не выпустит замок из родовой собственности, – кивнул Гийом. – Сама замуж больше не хочет, но рано или поздно женит Шарля на девице Рожиссар, дочке старой Шарлотты, и будет надеяться, что их дети не окажутся такими простаками, как Жан.

– Это дело надо выводить из плоскости застольных разговоров, – Леруа сдвинул в сторону графин.

Полицейский подпёр руками подбородок, уставился в точку на стене. Думал. Инспектор не мешал ему и только прислушивался к еле слышному скрипу черепицы.

– Значит так, дорогой парижский инспектор, чтобы убедиться в том, что ты тут наговорил, надо вскрывать могилу. Поднимайся, идём, – и Гийом залпом осушил свой стакан.

– Прямо сейчас? – опешил Леруа.

– А чего рассиживаться? Но имей в виду, – он положил ладонь на плечо инспектора, – Если там все будет чисто, ты же по голове и получишь. Потому как чуется мне, что ты хочешь оказаться среди опекунов той маленькой наследницы.

– Ну, так проверим. Лопату брать будешь?

Из участка вышли налегке, только с фонарями. Гийом не стал гасить лампу на столе и воспользовался задней дверью. На улице было ветрено, шел мелкий, отвратительный дождь. Заступ и лопаты хранись в маленьком сарае рядом с кладбищенской оградой. Инспектор помолился и первым вогнал лезвие в землю.

Копали не меньше получаса, извозились в грязи. Леруа был уверен в своих рассуждениях, но нельзя сказать, чтобы он ощущал себя абсолютно спокойно.

Наконец, когда расчистили крышку и настолько освободили все вокруг, что можно было вскрывать гроб, Гийом выбрался наверх.

– Ты дело затеял, ты и показывай всё.

Леруа, сплёвывая грязь, попавшую на губы, молча кивнул. На секунду зашевелилось в нем подозрение, что Гийом куплен, сейчас даст ему заступом по голове, да и засыплет могилку. Захоронение свежее, никто разницы и не заметит, а дождь смоет все следы. Но что-то было в полицейском надежное, уверенное. Не стал бы он убивать людей за деньги, взятые у бывшей соплюшки, которую помнил ещё живущей в хлеву.

Леруа заступом поддел крышку.

Поначалу они оба ничего не поняли. Тело, обряженное в хорошее платье, лежало, как положено покойникам, только вот плечи и голова были забинтованы, будто у египетской мумии.

– Сейчас, покажу, где на шее рана, – инспектор сообразил, что надо резать платье, а ножа нет, однако Гийом уже протягивал сверху свой, охотничий.

Леруа начал разрезать воротник, но тут сообразил, что не так с этим телом, и одним движением вскрыл «погребальные пелены».

Вместо головы у покойницы был обмотанный бинтами кочан капусты.

– Ну ты и шлюха, – меланхолично произнёс Гийом. Потом он сел на край могилы.

– Сколько ты людей можешь собрать к утру? – спросил у него инспектор.

– ?

– Мы не можем ждать и суток. Надо искать в замке коллекцию, – Леруа, тяжело дыша, раскопки дались ему не просто, положил крышку на место, – Иначе всё попрячет, ничего не докажем.

– Правда твоя, – полицейский потирал руки, будто у него сильно болели пальцы, хотя может, и правда суставы ныли от холода. – Но вначале вскроем ещё один гроб.

– Так до рассвета провозимся…

– Спокойно, это же склеп де Ризо, надо просто сбить пару замков. А людей я тебе за час соберу.

* * *

В сиреневой гостиной всё было как раньше. Как хотелось мадам де Бенаж.

Моды за треть века поменялись, и уже не было на дамах ни страусовых перьев, ни такого слоя белил и румян, густо усеянных мушками, как до Революции; но у дверей вытянулись во фрунт лакеи, и общество гостей было подобающим, без тени республиканства. Сама Сильвия, её братья, падре Себастьян и дальние родственники – пожилые супруги, которые только вчера приехали из Лиможа.

Падре вдохновенно, хоть и вполголоса, рассуждал о том, как трудно приводить в лоно церкви катакомбных отступников – хоть помазанник божий уже несколько лет законно пра-

вит страной, и все храмы открыты для верующих, но люди упорно собираются по подвалам и сараям.

– У них нет веры… в Церковь, – вздохнула Сильвия, и чуть усмехнувшись, добавила:

– Многие помнят, как легко некоторые монахи снимали сутану и обзаводились семьями, а то и шли в трибуналы. А другие убегали из страны.

– Но теперь с нами остались те, кто никуда не убежит, – твердо ответил падре.

– Мадам! – вскрикнул лакей, возмущенно отшатнувшись от распахнувшихся дверей.

Раскрасневшаяся физиономия мэтра Гийома, немного растерянные лица его подручных, всегдашний постный взгляд Леруа.

– Обыск!! – мэтр размахивал бумагой за собственноручной подписью.

Братья хозяйки замка быстро поднялись и встали по обе стороны от её кресла. Сильвия лениво махнула веером, успокаивая их – в сопротивлении нет необходимости.

Между тем полицейские бросились открывать ящики, отодвигать мебель, срывать обивку. У некоторых в руках были кирки, и они без промедления пустили их в ход.

– Остановитесь, дети мои! – начал падре, но мэтр Гийом угостил его тяжелым взглядом, и падре вжался в кресло.

– Вы не думали, что будет после обыска, – вдова обращалась будто бы к пустоте. – Выяснится, что по сомнительным и путаным подозрениям вы тревожите покой подданных короля. Не крестьян. Уверяю, вас никто не назовет якобинцем, мсье Гийом, но… может возникнуть предположение, что некий столичный авантюрист взял вас в долю.

– Нет, мадам! – физиономия провинциального полицейского излучала решительность, – Я здесь всё перерою! Головы так просто не исчезают.

Сильвия только вздохнула и продолжала обмахиваться веером.

– Если она что-то прячет, то, скорее всего, в личных покоях. Так проще добраться, – мэтр Леруа дернул рукой, будто поворачивал ключ в скважине. – Нам нужен ее будуар. Гардероб, туалетный столик, ванна и все остальное.

– Вам есть что делать в женских будуарах? – усмехнулся Шарль.

– Пройдемте, мадам, посмотрим, что там есть – мэтр Гийом подал ёй руку, – Франсуа! Давай ключ.

– Там теперь нет замка, – чуть поклонился лакей.

– Как так? – брови на рыбьем лице инспектора взметнулись, будто он салютовал ими, как саблей.

– Там теперь внутренний засов, для душевного спокойствия. А снаружи я отпираю комнату тогда, когда сама этого пожелаю, – она и не подумала встать.

Мэтр Гийом начал злиться, прикрывая злостью все возрастающую неуверенность. Но Леруа только вздохнул и процедил.

– Как мне надоели эти шарады и финты, мадам. Поднимитесь с кресла. Нам надо разбить и само кресло и пол под ним.

Инспектору казалось, что за окнами замка или же в коридоре – сейчас качается бритвенно-острый маятник. Воплощенная справедливость.

И трех минут не прошло, как пробили дыру в полу. Но там ничего не было.

– У нас есть время, – пожал плечами Леруа. – И мы разберем все.

– Снос замка – это незаконно, – вдруг подал голос Жан.

– А кто говорит о сносе, мсье д'Эвре? Мы просто заглянем под каждый камень. Ведь камень для этого придется поднять.

– Людей не хватит…

Но вдова движением веера приказала братцу замолчать.

– Что вы там говорили о головах, любезнейший мэтр?

– Мы вскрыли могилы всех жертв, включая погибшую последней Николь Лефевр, и нашли там тела… но не головы, – сообщил Леруа, – Вы не знаете, где они могут быть?

– Нет, не знаю. И еще я не знаю, почему вы спрашиваете об этом меня и когда, собственно, успели вскрыть могилы. Мне бы доложили о толпе полиции на кладбище. Неужели, господин Леруа, вы копали ночью, в одиночестве? Какое усердие!

– Без молитв и… – начал священник, но снова замолчал, теперь под взглядом Леруа.

– И восьми часов не прошло, как мы вскрыли могилы. Идемте, мадам, – полицейский показал рукой в сторону двери.

На лестницах и в соседних комнатах тоже было несколько полицейских, переворачивавших всё вверх дном, но делали это без явного энтузиазма. Они не слышали, как лезвие маятника рассекает воздух.

– Вы подняли всех, до кого смогли добраться, мсье Гийом? Рисковый вы человек – ведь у вашей неудачи будет так много свидетелей… – улыбаясь, заметила мадам де Бенаж.

Они прошли в спальню, обставленную по последней столичной моде: потолок и стены были затянуты мягкой, переливчато-серой тканью, пол вместо ковров устилали китайские циновки, а в центре комнаты, как жемчужина, располагалась кровать под изящным, напоминающим китайскую пагоду, балдахином. Напротив кровати стоял камин с белоснежными фарфоровыми накладками, которые изображали цветы и птиц, а на каминной полке красовались часы в серебряном корпусе, стилизованном под морскую волну, и серебряные канделябры. Рядом со спинкой кровати в стене была дверь, ведущая в отделанную мрамором ванную, которую украшала мозаичная фреска с Ледой и лебедем.

И еще одна изящная дверца из полированного дерева, сделанная точно под рост мадам де Бенаж – рядом с камином. Именно она и привлекла всеобщее внимание.

– Открывайте, мадам.

– И не подумаю.

– Вам есть что скрывать? – задал инспектор первый вопрос из привычного набора.

– Конечно есть, там мои сбережения. Кстати, в золотых монетах, а они так славно прилипают к рукам и прыгают в карманы, что вы просто не поверите.

– И утренний туалет вы делаете, оглядываясь на груду золота? – осведомился Леруа.

– Ну, все мы любим деньги.

– Буало!! – рявкнул Гийом. – Разбить дверь и стену!

Это оказалось не так просто. Под деревом оказалась листовая сталь, заклепки, железные прутья, уходящие в цемент.

– Мой покойный муж знал толк в сейфах… Он оборудовал его для себя.

– И вы не боитесь задохнуться, если что… – начал рассуждать вслух инспектор.

– О, там есть вентиляционные ходы, чуть шире крысиных нор… Вам туда не пролезть, мсье Леруа, хотя у вас с крысами много общего. Голова, может быть, и прошла бы, но не все остальное.

Мэтр Гийом отправил подчиненных осмотреть стены. Драгоценные обои рвались с негромким треском, и вдова каждый раз укоризненно косилась на Леруа, тяжело вздыхая. Они нашли несколько дыр, прикрытых решетками, однако в них тяжело было даже просунуть кулак. И там тоже, за слоем обивки, все было укрыто листовой сталью.

Леруа с мэтром Гийомом наблюдали за усилиями полицейских. Шарль и Жан наблюдали за ними, Шарль отпускал время от времени ироничные реплики. Мадам Бенаж, слушая его, снисходительно улыбалась.

– Довольно! – вспылил мэтр. – Пигасс, Лаже!

Названные полицейские встали с колен, сконфуженно отряхивая форму.

– Обоих братьев под замок. Куда угодно, хоть в соседнюю комнату, но чтобы здесь не стояли.

Вдова ободряюще потрепала Жана по руке, шепнула что-то Шарлю, и братьев увели без сопротивления, хотя всем своим видом, они, разумеется, выражали презрение к происходящему.

Они провозились полтора часа, все измазались в пыли. Бились бы над дверью и дальше – не удалось даже обнаружить хитро спрятанные петли и запирающий механизм – но им повезло: Гийом что-то нажал, как-то сдвинул пружины, и дверь открылась сама собой, бесшумно и плавно.

Мадам Бенаж вздохнула с видом оклеветанной невинности.

Они вдохнули пряный запах духов и притираний.

Довольно большая комната, размерами почти со спальню, но свободного места намного меньше. По центру туалетный столик с зеркалом, всевозможные коробочки и флаконы. Пара канделябров на каменном полу. Справа – гардероб. Пышные платья в шкафу и за китайскими ширмами, отдельно на манекене висит расшитое жемчугом и сапфирами свадебное платье, у самого потолка длинная полка с целой коллекцией кокетливых шляп. А слева – массивный, как в сказке, деревянный сундук с откинутой крышкой, до краев заполненный тускло сияющим золотом. Только золото было настоящим, не сказочным – луидоры, наполеондоры, как старые императорские, так и новые королевские, бельгийские двадцатифранковые, английские гинеи и соверены, все вперемешку. Это завораживало.

Инспектор первым стряхнул с себя оцепенение и, закатав рукава, подошел к сундуку. Мэтр Гийом подумал, что сейчас тот запустит руки по локоть в металл, но тот только пошатал сундук, посмотрел вокруг. Все было очень хорошо освещено – на задней стороне двери было зеркало, и оно умножало огоньки свечей и тусклый вечерний свет из двух круглых окошек под потолком.

– Слишком много пыли. Нет царапин на полу. Ваш плащ, Гийом.

Он накрыл им короб, как накрывают платком клетку с попугаем.

– Вы фокусами не увлекаетесь, мсье Леруа? Не желаете вытащить кролика?

– Нет мадам, – было заметно, что даже инспектору нелегко дается борьба с очарованием желтого металла.

– В канделябрах оплавленные свечи, под ними сколько воска, вот следы копоти. Вы не выходили отсюда по несколько часов. Что вы тут делали?

– Даже такой болван, как вы, может представить, чем занимается женщина наедине с зеркалом. А если не можете, то в крышке сундука есть еще ящик, там документы. Взгляните на них.

Точно – шкатулка без замка, того же цвета, что и мореное дерево, ее не заметили сразу из-за драгоценного гипноза. Там лежали купчие, векселя, расписки, документы на вступление в права наследования и на уплату пошлин. Леруа видел на некоторых из них свою подпись.

Инспектор и мэтр Гийом посмотрели друг на друга. Тут все было не так, все было неправильно. Но что?

– Отсюда надо вынести все предметы. Оставить только металл, цемент и камень. Ищем тайник!

– Да, – Гийом сосредоточенно кивнул, – Буало, Лаже, охранять вход в спальню, Дюран, Пигасс, сюда! Начнем со шкафа…

Вдова еще раз вздохнула.

Полицейские предавали друг другу платье за платьем, коробочку за коробочкой

Потом они увидели следы от каблуков на стуле, но мадам Бенаж при её росте не доставала ни до полки с документами, ни до шляп.

Канделябры, документы, зеркало, столик.

Оба время от времени оглядывались на баронессу, но та неизменно и невозмутимо улыбалась им.

Полицейские, освобождая полки, стали передавать друг другу шляпных болванов с пышными шляпками, которые смотрелись в их грубых руках донельзя странно. Вдова болезненно поморщилась, комментируя:

– Эти редкие тропические бабочки обошлись мне в две тысячи… А эта пряжка сделана из мелких бриллиантов…

Полицейских это всерьез нервировало. Они осторожно, держа эту женскую роскошь как можно дальше от себя, выносили их в спальню и складывали на пол. Гийом раздраженно выхватил болвана из рук своего подчиненного и вдруг замер.

Он небрежно сорвал радужное колесо шляпы и отбросил ее прочь.

– Гийом, что вы делаете? – недовольно поинтересовался Леруа. – Там даже собачья голова не поместится, не то что человеческая!

Но Гийом, не обращая внимания, изо всех сил рванул материю – и под ней, и под тонкой прокладкой из войлока, открылся фарфоровый сосуд. Крышка была как-то хитро прикреплена, но Гийом разорвал материю до конца и ударом об пол разбил сосуд.

Резкий запах рассола, каких-то минералов, масел. И голова Николь с длинными рыжеватыми прядями волос, быстро темнеющими в маслянистой жидкости. Только по ним и можно было ее узнать. Даже не голова, её часть – лицо, будто маска, держалось на лицевых костях, а от затылка, от теменных костей, остался только скальп. Мэтр потрясенно смотрел вниз, на пол, брезгливо отступив от растекающейся лужи.

Полицейский вдруг понял, что Сильвия хотела забальзамировать голову, как и у покойных жен, но не было времени, слишком опасно – и она оставила себе лишь сувенир. Леруа уже спешил разбить второй сосуд: там была маленькая, со сморщившимся лицом, которое превратилось едва ли не в физиономию мартышки.

– Это плохо, когда на людей не действует золото, – вдова откуда-то из-под юбок достала пистолет.

Они замерли. Страха не было – только облегчение, что их опаснейшая авантюра удалась. Леруа слышался затихающий свист воздуха – маятник останавливался. Тем временем Дюран тянулся за собственным пистолетом, а Лаже готовился прыгнуть, отобрать оружие у сумасшедшей. Но баронесса, по-прежнему иронично улыбаясь, выстрелила себе в висок.

Первый курок дал осечку, но пистолет был двуствольным.

В соседней комнате закричал кто-то из братьев, начался шум и Пигасс побежал на подмогу.

– Как ты понял? – инспектор удивленно смотрел на мэтра Гийома.

– У деда шляпная мастерская была, я там пацаном работал, еще до якобинцев. Потом отец пошел по судейской линии… Никогда шляпный болван не будет таким тяжелым.

– Не знал. Интересно, шуточкой о маленькой голове она намекала, что я следующий?

Начальник здешней полиции пожал плечами и прислушался – в соседней комнате распоряжался Пигасс. Братцев уже наверняка обездвижили.

– Ладно, Гийом давай посмотрим, кому она еще «насолила»…

Эпилог

Погода была отвратительной – холодный дождь барабанил по крыше кареты, резкий северный ветер иногда бросал листья в окно. Шанталь на сиденье напротив подобрала ноги, свернулась калачиком, бабка пыталась укутать её разноцветным пледом так, чтобы даже кончика носа не высовывалось.

У самого Леруа от стылой сырости ныли колени, но он сидел неподвижно, чувствуя, как его охватывает сильнейшая усталость. Рядом, во власти радостного ожидания, сидел Дюпон, и хотя его позавчерашний разговор с податным испектором был длинным, тяжелым и грозил немалыми неприятностями в будущем – всё это меркло на фоне перспектив.

Дюпон много раз ездил по этой дороге, потому его нетерпение оставалось сдержанным, ненавязчивым и не мешающим попутчику. Лишь время от времени его правая рука оказывалась рядом с карманом жилетки, потом следовал щелчок крышки часов и единственный взгляд на циферблат.

Но вот в окно видны ворота парка, зашуршал гравий под колесами – они прибыли.

Вся прислуга замка Моро была готова встречать их под дождем, чтобы лишний раз не раздражать столь грозного гостя, но Леруа, предвидя подобную глупость, вместе с предупреждением о скором приезде, отправил категорический приказ не делать вид, будто они встречают самого министра финансов. Места хватит и в боковой галереи, а карета может подъехать к самым её дверям, как и в прошлый раз.

Их встретил Жанно с двумя раскрытыми зонтами, и вот они уже под крышей.

Патрик посмотрел на лица встречавших.

Настороженность, иногда злоба, раздражение на человека, сорвавшего привычный уклад к чёрту – и все это под масками радушия и готовности услужить. Даже смерть Николь каким-то непонятным образом оказалась записанной на счет парижского инспектора. Они все прикинуться китайскими болванчиками, лишь бы он не говорил с ними слишком долго. Разве что с библиотекарем он мог бы выпить по бокалу вина, поговорить о редких книгах, да и то… Старик будет слишком бояться проговориться о своем родственнике, Ожероне, потому что где уголовный сыск, почти наверняка будет и политический. И ещё он не сможет простить ему ту маленькую девочку, которая читала в библиотеке историю своего рода.

Похоже, за тёплым приемом и настоящим радушием ему придется ехать к Гийому, если только он не слишком занят своим внезапным сватовством к девушке вдвое младше себя…

Может, он в очередной раз слишком хорошо сделал свою работу, и, чтобы добраться до правды, пришлось вскрывать брюхо и вытаскивать внутренности этого замка? И заодно он убил душу этого места? Или тот бритвенно-острый маятник, призрак которого преследовал инспектора в часы обыска – не он ли обрубил последние нити, которые связывали его со здешними жителями?

И почему, в конце концов, ему приходится жить и думать, будто из-под палки? Когда-нибудь резьбу сорвет, и он присвоит очередной замок, разворует половину ассигнований министерства…

Рядом нетерпеливо вздыхал Дюпон, и надо было рассказывать слугам, зачем они сюда приехали.

– Эту девочку зовут Шанталь де Бенаж, – Леруа указал на укутанную в плед девочку, – она дочь и законная наследница Арно де Бенажа. Постановлением суда она признана единственной законной наследницей. И теперь должна проживать здесь постоянно до наступления совершеннолетия.

Взгляды прислуги устремились к крошечной наследнице, и пошли короткие шепотки.

– Опекуном девочки выступает мэтр Дюпон.

Леруа указал на спутника, хотя многие в замке превосходно знали его.

– Так же для проверки финансовых вопросов каждый год будет собираться заседание опекунского совета. Среди прочих достойных господ в нём состою и я.

Вот и всё, главное сказано. Можно было бы славно угоститься здесь и заночевать на белейших простынях; пройтись и полюбопытствовать, что успели отремонтировать после обыска. Может быть, рассказать маленькой Шанталь, что тут было на самом деле, чтобы ей не сообщили безобразную правду во всей ее наготе. Но Леруа отчетливо понимал, насколько он здесь лишний. И всё, что он хотел еще сказать, нужно было говорить сейчас, пока они готовы слушать.

– Я забрал у вас одну сказку, страшную, а даю вам другую, – спокойно подвел он итог. – Может быть, она окажется счастливой. Но не испоганьте её собственным равнодушием.

Леруа наклонился и заглянул в глаза Шанталь.

– А ты – не стань собственной мачехой. Злые мачехи – они все некрасивые.

После чего Леруа спокойно вышел под дождь и сел в карету. В дороге будет время проверить несколько отчетов, которые лежат в портфеле. Достать флягу с коньяком. Улыбнуться портрету несуществующей девушки. Кроме неё, поговорить ему на выстуженном ноябрем обратном пути будет не с кем.

2. Точка равновесия

O Fortuna
velut luna
statu variabilis,
semper crescis
aut decrescis;
vita detestabilis
nunc obdurat
et tunc curat
ludo mentis aciem,
egestatem,
potestatem
dissolvit ut glaciem.

Carmina Burana

Коллеги Леруа всегда были осведомлены о том, занят ли он своими рутинными обязанностями или работает по «особой просьбе». В первом случае он посещал с отчетами мсье Вижье, во втором глава департамента налогов и сборов сам приходил к нему.

Сегодня был именно тот случай.

– Леруа, вы помните господина Ютена? – без предисловий спросил Вижье, который давно убедился, что в случае с Леруа самые простые слова дают самый быстрый результат.

– Ютен, торговец, который специализируется на шоколаде?

– Да, именно. Ваша работа – когда вы расследовали хищения у него на фабрике, – произвела на него огромное впечатление. Насколько я помню, вы сумели вернуть почти пятьдесят тысяч франков?

– Сорок семь тысяч шестьсот два франка, – таким сухим голосом ответил Леруа, что Вижье не в первый раз с досадой задумался, не скрывает ли эта точность некую изощренную насмешку над ним, господином супрефектом.

– Вчера я встретился с господином Ютеном, и он хочет снова обратиться к вам за помощью, но…

На лице Леруа появился легкий намек на удивление. Обычно его начальнику не требовалось собраться с духом, чтобы поручить ему новое дело.

– Так вот, на этот раз он подозревает не хищение, а убийство.

– Вот как?

Не дождавшись от Леруа ничего сверх этих двух слов, Вижье раздраженно продолжил:

– Речь идет о смерти члена его клуба, забыл название…

– Общество любителей физического и математического знания, а также мироведения, – подсказал Леруа.

– Верно. Собственно, это все, что я знаю, – кисло сообщил глава департамента. – Господин Ютен настаивает на личной встрече с вами.

– Я не… – Леруа на мгновение замер и вцепился пальцами в край стола так, что те побелели, что не ускользнуло от наблюдательного мсье Вижье. Правда, уже в следующую секунду ладони Леруа разжались, и он своим обычным тихим ровным голосом спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.